

Б А Р Т Э Р М А Н

ТРИУМФ ХРИСТИАНСТВА

как запрещенная религия
перевернула мир

Барт Эрман

**Триумф христианства.
Как запрещенная
религия перевернула мир**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7СОЕ)

Эрман Б. Д.

Триумф христианства. Как запрещенная религия перевернула мир
/ Б. Д. Эрман — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-099234-8

Наш мир еще не видел более фундаментального и значительного культурного преобразования, чем покорение западной цивилизации христианством. Триумфальная христианизация Римской империи стала величайшей исторической победой когда-то запрещенной религии, приверженцев которой преследовали и подвергали мученической смерти. Новая книга всемирно известного исследователя Библии и историка раннего христианства Барта Эрмана – это описание того, что произошло, когда церковь слилась с имперской властью. В своем рассказе Эрман избегает как победных реляций о росте влияния и усилении власти церкви, так и напрашивающихся после знакомства с историческими фактами обвинений христиан в варварстве и вандализме по отношению к разрушенному и утраченному бесценному культурному наследию древней языческой культуры. Он задается вопросом и пытается дать на него объективный ответ: как маленькая горстка последователей Иисуса из Назарета сумела обратить в свою веру огромную и мощную империю?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7СОЕ)

ISBN 978-5-04-099234-8

© Эрман Б. Д., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Благодарности	7
Хронология событий	9
Введение	11
Христианская революция	13
Как объяснить триумф христианства?	15
Победители и побежденные	17
Глава первая	20
Приход Константина к власти	23
Гражданская война с Максенцием	26
Видения Константина	28
Битва у Мильвийского моста	33
«Искренность» обращения Константина	34
Обращение Константина: итоги	38
Глава вторая	39
Источники по жизни и учению Павла	40
Иудей Павел	42
Павел – гонитель Церкви	45
Обращение Павла	49
Последствия видения Павла	51
Миссионерская стратегия Павла	54
Modus operandi Павла	56
О чем говорил Павел	59
Как Павел убеждал своих слушателей	63
Павел: итоги	64
Глава третья	65
Существовало ли «язычество»?	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Барт Д. Эрман
Триумф христианства. Как
запрещенная религия перевернула мир

Bart D. Ehrman

THE TRIUMPH OF CHRISTIANITY:

How a Forbidden Religion Swept the World

© 2018 by Bart D. Ehrman

© Холмогорова Н.Л., перевод с английского, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Благодарности

Я безмерно благодарен всем, кто помог мне написать эту книгу. Прежде всего и более всего – моей жене Саре Беквит: человеку огромного ума и проницательности, для меня не только спутнице жизни, но и первой читательнице, неизменно оказывающей мне огромную помощь своими замечаниями и советами. Ценными советами помогли мне, прочтя рукопись целиком, и еще четверо ученых: Элизабет Кларк, почетный профессор факультета религий в Дюкском университете; Гарольд Дрейк, почетный профессор истории в Калифорнийском университете (Санта-Барбара); Эндрю Джекобе, профессор гуманитарных наук в колледже Скриппс; и Джеймс Райвз, почетный профессор латинского и греческого языка и литературы в Университете Северной Каролины в Чапел-Хилл). Все они принадлежат к числу ведущих мировых специалистов в тех областях, которым посвящена моя книга. Их замечания и предложения были для меня бесценны: они спасли меня от нескольких серьезных промахов. Вина за оставшиеся промахи, увы, лежит только на мне.

Кроме того, я попросил прочесть книгу нескольких человек, не специализирующихся в древней истории – и при этом обнаружил кое-что необычное. Здесь, пожалуй, стоит объяснить.

Уже больше пяти лет я веду блог Барта Эрмана. Блог охватывает все сферы моих научных интересов: Новый Завет, исторический Иисус, Писания Павла, раннехристианские апокрифы, отцы апостольские, рукописные традиции раннехристианских писаний, история христианства в первые четыре столетия, и так далее. Я пишу в блог около тысячи слов в день, шесть или семь раз в неделю. Блог открыт лишь для постоянных читателей, и вступление в их ряды стоит денег (но небольших).

Все деньги, заработанные на этом блоге, я направляю на благотворительность. Каждый полученный цент идет в благотворительные фонды – два местных и два международных, – которые борются с бедностью, голодом и бездомностью. Блог растет и приносит все больше доходов. В прошлом году мы собрали 120 000 долларов. Надеюсь, в этом году соберем еще больше. Для тех, кто хочет присоединиться к моим читателям, вот адрес: www.ehrmanblog.com.

В этот раз, как и в предыдущие, я решил дать читателям блога возможность в обмен на пожертвование определенного размера прочесть книгу еще до публикации и высказать свои замечания. Несколько читателей откликнулись на это предложение. Я выслал им рукопись; они прочли, высказали свое мнение – и к их замечаниям я отнесся серьезно и учел их при окончательной редакции. Я глубоко благодарен им всем: Рэнди Корбетту, Пэтти Флloyd, Полу Джейкобсу, Джону Седмаку, Стиву Саттеру, Тревору Уискасу, а также моим друзьям Габриэле Ларанейра и Биллу Сазерленду. Благодарю также читателя моего блога Джима Стивенсона, с которым мы обсуждали скорость роста численности христиан в первые четыре столетия, и особенно Джеймса Белла, оказавшему мне неоценимую помощь в понимании того, как делать такие вычисления.

Огромную помощь оказали мне и несколько студентов-старшекурсников из Университета Северной Каролины, специализирующихся по древним религиям Средиземноморья – фактически уже сложившиеся специалисты по раннему христианству: Люк Дрейк, Эндрю Хэгстром и Шейли Пейтел. Я рад знакомству с этими замечательными молодыми учеными. Особая благодарность – моему ученику Тревису Проктору, который недавно защитил диссертацию и теперь преподает в Нортленд-колледже: он прочел рукопись целиком и сделал к ней очень ценные замечания.

Безусловно, эта книга не увидела бы свет, если бы не мудрое руководство моего литературного агента Роджера Фрита, который помог мне и задумать этот проект, и разработать его,

и создать. Роджер отлично знает свое дело – и любит его не меньше, чем хороший мартини и сигары. Мы с ним отлично ладим.

Хотел бы также поблагодарить Меган Хоган, помощника редактора в «Саймон энд Шустер», за множество полезных замечаний к моей рукописи. Но особенно благодарен я моему новому редактору Присцилле Пейнтон. Ее страстная любовь к книгам и к интеллектуальной жизни в целом, ее горячий энтузиазм по поводу этого проекта вдохновлял меня и придавал сил. На протяжении всей работы над книгой безмерно поддерживали меня ее советы, предложения, слова ободрения и установленные ею высокие стандарты. Присцилла – очень глубокий и талантливый редактор, и я у нее в большом долгу.

В книге я цитирую множество древних текстов в современных переводах, всегда указывая источники. Цитаты из Ветхого Завета приводятся в переводе New Revised Standard Version (в некоторых случаях немного измененном). Цитаты из Нового Завета – в моем собственном переводе.

Хронология событий

29 г. до н. э. – 14 г. н. э.

Правление Цезаря Августа, первого римского императора.

4 г. до н. э.

Рождение Иисуса.

27–30 гг.

Общественное служение Иисуса.

30 г.

Распятие Иисуса.

33 г.

Обращение Павла.

50–60 гг.

Послания Павла.

64 г.

Пожар в Риме; казнь Петра и Павла императором Нероном.

112 г.

Преследование христиан Плинием; письмо Плиния к Траяну.

150–160 гг.

«Апологии» Иустина Мученика.

177 г.

Апология Афинагора «Прошение о христианах».

195–225 гг.

Писания Тертуллиана.

215–254 гг.

Писания Оригена.

249–251 гг.

Гонения при императоре Декии.

250–258 гг.

Послания Киприана.

257–260 гг.

Гонения при императоре Валериане.

284–305 гг.

Правление императора Диоклетиана.

293 г.

Диоклетиан учреждает Тетрархию.

303–313 гг.

Великое гонение.

311 г.

Лактанций пишет «Божественные установления».

312 г.

Обращение императора Константина.

312 г.

Битва у Мильвийского моста.

313 г.

«Миланский эдикт» (о прекращении гонений и установлении полной веротерпимости).

314 г.

Собор в Арле (решение спора с донатистами).

317 г.

Лактанций пишет «О смерти гонителей».

324 г.

Константин разбивает в бою Лициния и становится единоличным правителем империи.

324 г.

Выходит в свет «Церковная история» Евсевия.

325 г.

Никейский Собор (решение спора с арианами).

330 г.

Минуций Феликс пишет «Октавия».

337 г.

Смерть Константина.

339 г.

Евсевий пишет «Жизнь Константина».

341 г.

Введение при Констанции II первых антиязыческих законов.

345 г.

Фирмик Матерн пишет «О заблуждении языческих религий».

361–363 гг.

Правление Юлиана Отступника.

379–395 гг.

Правление Феодосия I.

380 гг.

Григорий Нисский пишет «О житии и чудесах Григория Чудотворца».

381–392 гг.

Антиязыческое законодательство Феодосия I.

396 г.

Сульпиций Север пишет «Житие святого Мартина Турского».

422 г.

Августин пишет «Град Божий»

Введение

В первый год в колледже, на занятиях по английской литературе, я впервые начал понимать, какую боль может приносить сомнение в вере. Хотя я и был в то время глубоко верующим христианином, стихи Мэтью Арнольда, викторианского «поэта сомнения», стали для меня наваждением. Нигде внутренняя борьба Арнольда не выражена с такой потрясающей глубиной и силой, как в самом знаменитом стихотворении XIX века, «Берег Дувра» [отрывки приводятся в русском переводе Vlanes, 2004 г. – Прим. пер.]. Стихотворение это рассказывает о нескольких минутах из жизни Арнольда в 1851 году, когда он проводил медовый месяц в Дувре. Поэт стоит у открытого окна, выходящего на дуврские утесы, и, замороженный отливом, слушает шум моря, смотрит, как откатываются волны и обнажается береговая линия внизу:

**На море шторма нет.
Высок прилив, луна меж побережий
Царит. На берегу французском свет.
Вот и погас... Утёсы Англии стоят
В притихшей бухте – высоки, черны.**

Он зовет молодую жену подойти к окну, вместе с ним насладиться свежестью ночного воздуха и полюбоваться волнами, бьющимися о берег:

**Взгляни в окно: там ночь и ветер свежий!
У длинной ленты вспененной волны,
Где море с лунной, бежевой землёй
Смыкается, всё скрежетом полно.
Ты слышишь, волны гальку и берут,
И рассыпают вновь – за слоем слой.
Начнут, потянут и отпустят вдруг
С протяжным стоном, оставляя тут
Печали вечный звук.**

Этот же звук, вспоминает он, описал много веков назад Софокл в «Антигоне» – и «решил, что с ним сравнится лишь одно тягучее людское горе». Арнольда этот звук тоже наводит на невеселые мысли, – но другие, созвучные его веку. Для Арнольда отлив – печальная метафора христианской веры, что понемногу уходит из мира, оставляя за собой нагие берега.

Было время, вспоминает он с грустью, когда мир сладко нежился в объятиях веры:

**Да, Веры Море
Когда-то было полно, сплетено
Чудесным поясом у берега земли.**

Но и это море сейчас отступает, и мы слышим «тягучий рев», с которым оно покидает берега нашей жизни:

**Но слышно мне сейчас,
Как отступает и ревет оно
В тягучем споре
С полночным ветром, как за часом час**

Лишь галька мира шелестит вдали.

Образованный современный человек, говорит Арнольд, уже не может найти утешения в религии, в присутствии всемогущего и любящего божества, в искуплении, принесенном нам Сыном Божиим, который пришел в мир спасти заблудших овец и вернуть их домой. Христианская вера уходит, оставляя за собой пустоту – хаос, пугающий провал во тьму, лишь отчасти заполненный присутствием близких: людей, которых мы любим, которыми дорожим, людей, готовых разделить с нами боль, тревоги и неустойчивость жизни. Об этом – последние строки стихотворения:

**Любимая, так будем же верны
Друг другу! В этот мир, что мнится нам
Прекрасной сказкой, преданной мечтам,
Созданьем обновленья и весны,
Не входят ни любовь, ни свет, ничьи
Надежды, ни покой, ни боли облегченье.
Мы здесь как на темнеющей арене,
Где всё смешалось: жертвы, палачи,
Где армии невежд гремят в ночи.**

Со всех сторон обступает нас темный хаотический мир, полный смятения и ужаса – мир армий, сражающихся в ночи, мир без радости, без спокойствия, без уверенности в будущем. Что остается нам в этой пустоте? Лишь другие люди – друзья, близкие, любимые. «Любимая, так будем же верны друг другу!»

«Берег Дувра», как и другие стихи этой эпохи, в студенческие годы находил в моем сердце глубокий отклик, поскольку сам я в то время переживал свой личный «девятнадцатый век». В ходе гуманитарного образования я получал сведения и из геологии и биологии, и из философии, и из истории интеллектуальных поисков, изучал науку критического мышления – и все это ставило перед моей верой такие же проблемы, с какими сталкивались современники Арнольда. Меня тоже одолевали сомнения – и я, как и они, не знал покоя.

Теперь, сорок лет спустя, я вижу борения XIX века уже по-иному. Уже не переживаю их лично, как христианин, – скорее смотрю отстраненно, как историк религии. Сам я больше не стою на морском берегу; но сочувствую тем, кто борется с сомнениями, у кого уходит почва из-под ног, кому приходится пересматривать свою веру или даже от нее отказываться, – не только в новое время, но и на всем протяжении истории человечества.

Христианская революция

В первые четыре столетия христианства религии Римской империи оказались под ударом со стороны приверженцев новой веры, заявляющих, что истинной религией можно считать лишь поклонение богу Иисусу. Распространяясь, христианство уничтожало на своем пути прочие религии – религии, существовавшие тысячелетиями, которые все и везде считали благими и истинными. Но христиане настаивали, что это религии ложные и злые. Для тех, кто был не готов с этим согласиться – или просто не знал, во что теперь верить, – переход в новую эпоху был не менее мучителен, чем для викторианцев, живших много веков спустя.

Христианская революция оказалась куда более массовой, а результат ее – куда более долговечным, чем контрреволюция скептицизма, поднявшего голову в XIX веке. Многие викторианцы испытывали серьезные сомнения или вовсе оставляли веру, – однако христианская традиция не исчезла. В мире по-прежнему два миллиарда христиан. В древности же, когда христианство овладело Римской империей, остатки язычества превратились в разрозненные и малочисленные островки, всеми вокруг воспринимаемые как «остатки древних суеверий».

Победа христианства в древности привела к величайшему культурному преобразению, какое когда-либо видел мир. Вся история поздней Античности без этого была бы совершенно не такой, какой мы ее знаем. У нас не было бы ни Средних веков, ни Реформации, ни Возрождения, ни Нового времени – такого, какое нам известно. Не было бы ни Мэтью Арнольда, ни других викторианских поэтов. Да и прочих наших классических авторов: ни Мильтона, ни Шекспира, ни Чосера. Не было бы величайших художников: Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рембрандта. И композиторов: Моцарта, Генделя, Баха. Несомненно, на их место пришли бы другие Моцарты, Микеланджело и Гендели – и невозможно сказать, лучше это было бы или хуже. Но факт, что весь наш мир был бы невероятно, непредставимо иным.

Покорив римский мир, а затем и весь Запад, христианство не только положило начало необъятно огромному, внушающему благоговейный трепет собранию культурных ценностей, оно изменило и сам взгляд людей на мир и на образ их жизни в мире. Современная этика, ценности, нравственные проблемы – все испытало на себе влияние христианской традиции, которое невозможно переоценить. Верно это почти для всех, кто живет на Западе, независимо от того, исповедуют ли они христианство, какую-либо иную религиозную традицию или вовсе никакой.

Победа христианства в древности привела к величайшему культурному преобразению, какое когда-либо видел мир.

До победы христианства Римская империя была феноменально разнообразна, однако все ее обитатели разделяли определенную культурную и этическую ориентацию. Если попробовать охарактеризовать всю общественную, политическую и личную этику того времени одним словом, это будет слово «господство».

В культуре господства предполагается, что сильные навязывают свою волю тем, кто слабее. Правители господствуют над своими подданными, патроны – над клиентами, хозяева – над рабами, мужья – над женами. Это была не циничная идеология власть имущих, не оправдание сознательного угнетения и жестокости – нет, так виделся людям тысячелетний порядок вещей, и этот порядок принимали все, в том числе и сами слабые и угнетенные.

Эта идеология влияла и на общественные отношения, и на политику государства. Благодаря ей никто и никогда не оспаривал рабство – древний институт, считавшийся благим и необходимым для общества; благодаря ей мужчина, глава семьи, обладал абсолютной властью над своими домочадцами; благодаря ей завоевательные войны и сопутствующая резня счита-

лись естественным, вполне разумным делом, необходимым для более ценной части человечества (то есть для завоевателей).

От такой идеологии нельзя было ждать государственных программ по поддержке слабейших членов общества – бедных, бездомных, голодных, угнетенных. Не стоило ждать лечебниц для больных, раненых, умирающих. Не стоило ждать и частных благотворительных организаций для помощи людям в беде.

Ничего этого в римском мире не было. Но христиане несли с собой иную идеологию. Вожди христианской Церкви проповедовали и поощряли этику любви и служения. Они говорили: не следует думать, что один человек важнее другого. Перед Богом все мы на равных: господин не важнее раба, патрон – клиента, муж – жены, сильный – слабого, здоровый – больного. Насколько успешно работали эти христианские идеалы на практике – вопрос второй. Порой – и даже часто – конкретные действия христиан решительно не соответствовали их благочестивым побуждениям, и даже хуже того, явно противоречили христианским идеалам. Однако идеалы эти оставались заключены в традиции и во всеуслышание проповедовались вождями движения – феномен, которого в нехристианских частях римского мира мы практически не встречаем.

По мере того как христиане занимали места во власти, эти идеалы просачивались и в общественную жизнь, и в частные учреждения, и в политику правительства. Сама мысль, что общество должно служить бедным, слабым, угнетенным, – мысль отчетливо христианская. Без победы христианства у нас, скорее всего, никогда не было бы ни социальных служб, ни системы здравоохранения. Миллиардам людей могло бы никогда не прийти в голову, что общество обязано заботиться о слабейших своих членах, что необходимо помогать тем, кто в нужде, – словом, те ценности, которые сейчас на Западе именуются «гуманистическими».

Я не хочу сказать, что иудаизм – религия, из которой выросло христианство, – был менее озабочен требованиями «любить ближнего, как самого себя» и «поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Однако не иудаизм и не какая-либо иная из великих религий (стоит ли об этом упоминать?) завоевала империю и стала господствующей религией Запада. Это было христианство: оно пришло к власти, но стало проповедовать идеологию не власти, а любви и служения. И с этого момента история Запада двинулась по совершенно иному пути.

Как объяснить триумф христианства?

Однако у этого культурного переворота не было ясных и очевидных причин. Победа христианства над языческими религиями Римской империи, утверждение его в качестве господствующей религии, величайшей политической и культурной силы в мире, не были исторически неизбежны. Вот почему так важен вопрос, который задаю я в этой книге. Почему новая вера покорила римский мир, что и привело к христианизации всего Запада? Очевидно, вопрос этот не академический – он интересен не только специалистам-историкам. Можно ли представить себе более важный вопрос для любого, кто интересуется историей, культурой, развитием общества?

Поставим вопрос более конкретно: как маленькая горстка последователей Иисуса сумела обратить в свою веру огромную и мощную империю? Согласно Новому Завету, через несколько дней после распятия Иисуса одиннадцать его учеников-мужчин и несколько женщин пришли к вере, что он воскрес из мертвых. И четырех веков не прошло – и эти двадцать (или около того) бедных малограмотных иудеев из сельской Галилеи обернулись Церковью из тридцати миллионов верующих! Откуда взялись эти тридцать миллионов за триста лет?

Читая по всей стране лекции на различные темы, связанные с ранним христианством, чаще всего я слышу именно этот вопрос. Задавая его, слушатели ждут самых разных ответов. Многие верующие христиане ищут ответ непосредственно в божественном провидении. Так сотворил Бог. Он направил историю так, что мир стал христианским. Такое мнение я уважаю, но здесь есть очень большая проблема. Если Бог хотел, чтобы мир стал христианским, почему же не сделал его христианским? Если Бог хотел обратить массы, почему же большая часть человечества осталась необращенной? Более того: Бог все-таки сделал Римскую империю христианской, но почему это заняло так много времени? И почему этот труд остался незавершенным? Почему продолжали существовать нехристианские религии? И почему до сих пор нехристианские религии в большинстве?

Как маленькая горстка последователей Иисуса сумела обратить в свою веру огромную и мощную империю?

Самый распространенный светский ответ, какой мне приходится слышать, звучит так: Римская империя стала христианской, потому что обратился в христианство император Константин. В первой половине IV века Константин был единственным правителем империи. В начале своего правления он отказался от традиционных «языческих» религий и стал приверженцем Христа. Вслед за ним начали обращаться его подданные, и скоро из веры преследуемого меньшинства христианство превратилось в веру уважаемого большинства, а затем и в государственную религию. Так что все дело в Константине!

До недавнего времени я и сам так думал. Но теперь считаю иначе. Даже напротив: теперь я полагаю, что христианство победило бы, даже если бы Константин остался язычником. Почему – постараюсь объяснить в этой книге.

Разумеется, нельзя спорить с тем, что обращение Константина подвигло к христианству массу людей. Не всех до единого – и не мгновенно. Даже через сто лет после смерти Константина в Риме еще оставались язычники. Но со временем христианство стало религией подавляющего большинства, а традиционные для Рима языческие религии исчезли или, в некоторых случаях, ушли в подполье. Тем, кто в этом споре занимает сторону христиан, это всегда виделось великой и впечатляющей победой.

Однако в моей книге вы победных реляций не найдете. Иначе говоря, я не стану приветствовать возвышение христианства и переход светской власти в руки христиан, как многие авторы, видящие в этом что-то по определению высшее и благое. Впрочем, не стану и утвер-

ждать, что это было дурно. «Хорошо», «плохо» – как историк я должен оставаться в стороне от таких оценочных суждений, отчасти потому, что триумф христианства означал и неминуемые потери, прежде всего для преданных последователей иных религий. Везде, где побеждает одна группа, другие неизбежно проигрывают. И тем, кого интересует история, важно учитывать интересы и победителей, и побежденных.

Победители и побежденные

Вот почему, прежде чем описывать примечательные события, приведшие к победе христианства, я хочу остановиться и немного подумать о потерях.

Нигде в современном мире трагические последствия столкновения религий и культур не проявились так ярко, как в Пальмире (Сирия) в 2015 году, когда представители ИГИЛ, захватив этот город, казнили множество его жителей, уничтожили археологические ценности, разорили и разрушили местные древности, а главному их хранителю после долгих пыток отрубили голову. Такого зверства древняя Пальмира еще не знала! Однако не в первый раз терпела она нападение религиозных фанатиков, не приемлющих ее храмы и святыни. Вернемся на семнадцать веков назад.

Древний город Пальмира лежит к северо-востоку от Дамаска, почти точно посередине между Средиземным морем на западе и Евфратом на востоке. Изначально оазис для торговых караванов, место это стало транспортным и торговым центром, естественным перевалочным пунктом на перекрестке дорог между Римом и Персией.

По мере роста своего экономического влияния Пальмира начала привлекать взоры средиземноморских держав – в IV веке до н. э. Греции, затем Рима. Первым напал на Пальмиру в 41 году до н. э. Марк Антоний, а окончательно она вошла в состав империи при Тиберии (правил в 14–37 гг. н. э.). Через два с половиной века Пальмира взбунтовалась и вернула себе независимость; самой известной правительницей освобожденной Пальмиры стала царица Зенобия. Однако в 272 году император Аврелиан вновь захватил Пальмиру, Зенобию взял в плен и провел в своей триумфальной процессии по Риму, а город в конце концов приказал разрушить. Потом Пальмира была частично отстроена заново, но прежний блеск и слава к ней уже не вернулись. Роскошные ее дворцы и частные дома столетиями стояли, никем не тронутые, заметаемые песками Сирийской пустыни.

Первые дошедшие до нас известия о религиозной нетерпимости, повлекшей за собой уничтожение древностей Пальмиры, относятся к концу IV века. На троне Римской империи в то время восседал Феодосий I (379–395), пламенный христианин, вознамерившийся сделать христианство в империи государственной религией. Феодосий был не первым христианским императором. Я уже упомянул, что первым стал Константин (306–337). Не был Феодосий и первым из христианских императоров, уничтожавшим языческие храмы. Первым этим занялся сын Константина, Констанций II (337–361). Однако Феодосий первым ввел христианство как общеобязательную религию и издал указ о полном прекращении языческих религиозных практик. Не сказать, что указ Феодосия выполнялся последовательно, однако он затронул Пальмиру и, как минимум, одно из ее славных древних святилищ – храм сирийской языческой богини Аллат¹.

Богине Аллат поклонялись кочевые племена в этих краях; со временем ее отождествили с греческой Афиной. В весенние сезоны 1975 и 1976 годов команда археологов из Польши предприняла раскопки развалин этого храма. Обнаруженные при раскопках надписи, а также монеты, глиняные черепки и сильно изуродованная статуя божества позволили специалистам восстановить историю святилища. Построенное в середине II века н. э., святилище простояло более двухсот лет и было разрушено приблизительно в 380-х годах. Погибло оно не от естественных причин – землетрясения или бури. Об этом ясно говорит найденная статуя божества, лицо которой намеренно изуродовано. Как отмечается в докладе археологов, подобные увечья

¹ Информацию об этом храме, результатах его раскопок и исторических предпосылках его разрушения см. в докладе Barbara Gassowska, "Maternus Cynegius, Praefectus Praetorio Orientis and the Destruction of the Allat Temple in Palmyra," *Archaeologia* 33 (1982), 107–127.

статуе, «очевидно, не могли быть нанесены грубыми силами природы; это дело рук человеческих»².

Дошло до нас и множество других статуй, изуродованных примерно в это же время по всей империи. Крушили и разбивали их не какие-нибудь безбожные варварские орды, а благочестивые христиане – со вполне ясными намерениями. Статуям богов отбивали и разбивали глаза, носы, рты, уши, руки, гениталии. Это было религиозное утверждение. Языческие боги – куски дерева или камня, не более того. Они не могут ни видеть, ни слышать, ни обонять, ни говорить, ни действовать. Они бесполезны, безжизненны, мертвы. И христиане ворвались в храмы, чтобы это доказать³.

Особенно красноречива дата разрушения храма Аллат. Она совпадает с принятием самых жестоких антирелигиозных законов, известных древнему миру. С 381 по 392 год н. э. Феодосий выпустил указы, в которых запрещал языческие жертвоприношения и приказывал закрыть языческие храмы. Законодательство это – как и большинство законов Римской империи – воплощалось в жизнь не слишком последовательно и не слишком успешно. У Римского государства просто не было аппарата, пригодного для того, чтобы утвердить волю императора по всей империи. Однако там, где местная власть принимала императорские указы всерьез, начиналось разрушение языческих храмов и почитаемых культовых объектов, – в том числе и уничтожение золотых, бронзовых и каменных статуй.

Любая победа – чье-то поражение, и радостному кличу победителей всегда сопутствуют стоны побежденных.

Самые известные акты гонений на язычество связаны с высокопоставленным чиновником из администрации Феодосия, преторианским префектом Матерном Кинегием. Как и Феодосий, Кинегий был ревностным, глубоко верующим христианином. В 385 году н. э., проводя в жизнь антиязыческие указы Феодосия, он отправился в путешествие по восточным провинциям. Командировка эта, говоря словами одного современного археолога, привела к «невиданному опустошению и уничтожению величайших сокровищ языческой сакральной архитектуры и искусства»⁴. Особенно много времени Кинегий провел в Сирии – и там, при поддержке местных христианских вождей, уничтожил знаменитый Храм Зевса в Апамее.

У нас нет оснований утверждать, что Кинегий действовал и в Пальмире. Однако его присутствие в этом регионе несомненно побуждало местных христиан действовать активнее. Скорее всего, именно это произошло с храмом Аллат. На него напали местные ревнителю, скорее вдохновленные имперской властью, чем получившие от нее прямой приказ. Невозможно сказать, сподвигли ли их на это церковные вожди, или возбужденная толпа набросилась на храм по собственной инициативе. Мы знаем лишь, что несколько десятилетий спустя христианские лидеры превратили оставшиеся языческие храмы Пальмиры в христианские церкви; это произошло и со старейшим и прекраснейшим языческим святилищем города, храмом Бела, остатки которого также были уничтожены ИГИЛовцами в 2015 году.

Мы скорбим о таком бездумном – или, точнее, вполне намеренном – уничтожении древностей отчасти потому, что в остатках античной культуры с трепетом узнаем следы собственного прошлого. Вот почему такую горечь и даже гнев вызывают у нас слова современного археолога: «Как письменные, так и археологические свидетельства не позволяют сомневаться в том, что христианизация Римской империи и раннесредневековой Европы привела к уничтожению произведений искусства в масштабе, невиданном прежде в истории человечества»⁵.

² Там же, с. 113.

³ Подробнее: Troels Myrup Kristensen, *Making and Breaking the Gods: Christian Responses to Pagan Sculpture in Late Antiquity* (Aarhus, Denmark: Aarhus University Press, 2013), 89-106.

⁴ Gassowska, "Maternus Cynegius," 119.

⁵ Eberhard Sauer, *The Archaeology of Religious Hatred in the Roman and Early Medieval World* (Stroud, UK: History Press,

Древний мир не разделял нашей современной страсти к материальным остаткам былых веков. И рушились в ту эпоху не только храмы и статуи: они были лишь частью живой, плодотворной культуры. Под ударом оказалась личная и духовная жизнь людей, самые драгоценные их верования и убеждения, – на них нападали, их высмеивали, унижали, уродовали, убивали у людей на глазах.

Я не хочу принижать ценность огромных благ, принесенных миру победой христианства. И христиане, и нехристиане, несомненно, согласятся, что культурные ценности, унаследованные нами от христианской традиции – изобразительное искусство, музыка, литература, философия, – наполняют сердце благоговением и благодарностью. Но я начал с храма Аллат в Пальмире для того, чтобы подчеркнуть свою мысль: любая победа – чье-то поражение, и радостному кличу победителей всегда сопутствуют стоны побежденных⁶.

2009), 157.

⁶ О приобретениях и потерях я подробнее расскажу в Послесловии.

Глава первая

Начало конца: обращение Константина

Немногие события в истории цивилизации оказали на мир большее влияние, чем обращение в христианство императора Константина в 312 году н. э. Позднейшие историки порой задаются вопросом, было ли это обращение подлинным. Но для самого Константина и близких к нему духовных наставников, по-видимому, никакого вопроса здесь не было. Он перешел от одного набора религиозных верований и практик к другому. До обращения он был политеистом, поклонялся множеству разных богов – богов своего родного города Наиса на Балканах, богов семьи, богов, связанных с войсками, в которых служил, богов самого Рима. После – стал монотеистом, поклоняющимся только христианскому богу. Быть может, эта перемена не была внезапной и мгновенной. Возможно, переход происходил дольше и более постепенно, чем помнил Константин впоследствии – или, по крайней мере, чем он рассказывал. Возможно, ему сопутствовало немало споров, разговоров, размышлений. Однако сам Константин называл точную дату: 28 октября 312 года. С этого дня он начал считать себя христианином⁷.

Результаты были поистине неизмеримы, но не по тем причинам, которые часто называют. Не Константин в конце концов сделал христианство государственной религией. Официальной религией Рима христианство стало лишь восемьдесят лет спустя, в царствование императора Феодосия I. Нельзя сказать, что обращение Константина стало каким-то поворотным пунктом в распространении и успехе христианской религии, моментом, который изменил историю и принес христианству успех. Учитывая, как росло число христиан и влияние христианства в эти годы – оно вполне могло бы добиться успеха и другим путем. Если бы не обратился Константин – быть может, обратился бы какой-нибудь следующий император, например, кто-то из его сыновей. Настоящую революцию обращение Константина произвело в том, что имперский государственный аппарат, прежде официально противостоявший христианству и в некоторых регионах решительно с ним боровшийся, вдруг развернулся на сто восемьдесят градусов и от гонений на христиан перешел к их поддержке. Константин не делал христианство официальной, единственно разрешенной религией. Он сделал его религией дозволенной – и, более того, придал ему государственную поддержку, административную и финансовую. Эта поддержка в самом деле сослужила христианству добрую службу. Известие, что христианству теперь покровительствуют на самом верху, по-видимому, заставило еще активнее обращаться в христианство массы людей – в том числе представителей имперских и местных элит, до того вкладывавших ресурсы в религиозные практики своего языческого мира.

При всей важности обращения Константина для христианского движения, нам, как ни странно, достаточно трудно определить, *откуда* он обратился в христианство. Современные историки религии, говоря об «обращении», понимают под ним самые разные вещи⁸. Возможно, проще всего использовать это слово в самом широком и привычном его значении, понимая под ним переход от одного набора религиозных верований и практик к другому. С Константином, несомненно, произошло именно это. В какой-то момент – по крайней мере, для него

⁷ Авторитетных биографий Константина существует множество. Среди самых серьезных текстов, написанных учеными для ученых, можно назвать: Timothy D. Barnes, *Constantine and Eusebius* (Cambridge, MA: Harvard University, 1981); Timothy Barnes, *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire* (Chichester, UK: Wiley Blackwell, 2014); Harold A. Drake, *Constantine and the Bishops: The Politics of Intolerance* (Baltimore: Johns Hopkins, 2000). Вполне фундаментальные, но более доступные для широкого читателя труды: Noel Lenski, ed., *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* (New York: Cambridge University Press, 2006); David Potter, *Constantine the Emperor* (New York: Oxford University, 2013). См. также любопытную работу: Paul Stephenson, *Constantine: Unconquered Emperor Christian Victor* (London: Quercus, 2009).

⁸ См., например, Lewis R. Rambo and Charles E. Farhadian, *The Oxford Handbook of Religious Conversion* (New York: Oxford University Press, 2014).

самого в ретроспективе вполне ясный и определенный – он перестал быть язычником и стал христианином.

Обращение в античности не было распространенным явлением. Языческие религии его почти не знали⁹. Они были политеистичны – и, следовательно, язычнику, решившему принять какого-то нового или иного бога, не было нужды оставлять прежних богов или прежние способы богопочитания. Ему не требовалось отвергать свой пантеон – достаточно было прибавить к нему что-то новое.

Константин не делал христианство официальной, единственно разрешенной религией. Он сделал его религией дозволенной, оказал ему государственную поддержку.

Не таковы были христиане: они требовали выбирать. От обращенного ждали, что он покинет всех языческих богов и начнет почитать одного лишь христианского бога. До тех пор подобные ожидания и требования встречались лишь в иудаизме. Среди язычников – приблизительно 93 % населения, согласно обычаю, традиции или личной склонности почитавших множество богов, – поклонение богам вообще не было вопросом выбора. Быть язычником означало участвовать в различных религиозных обрядах, связанных с официальными государственными богами, местными богами, богами семьи и рода, а также любыми другими, так или иначе связанными с различными сторонами человеческой жизни. Для всех, кроме иудеев (а затем христиан) это было не столько сознательное решение, сколько привычный образ жизни. Так поступали все и всегда; в сущности, это мало отличалось от участия в жизни местной общины – с той лишь разницей, что один человек, как правило, участвовал в жизни лишь одной общины, а вот поклоняться мог неисчислимому множеству богов.

По этой причине язычество не следует воспринимать как нечто единое – скорее, как сотни и тысячи разных «религий»¹⁰. Те, кто практиковал традиционные религии – то есть практически все, – никогда не называли и не считали себя приверженцами некоего «язычества». Такого явления не существовало: язычество – обобщенное понятие, собирательное название для всего неисчислимого множества неиудейских религиозных верований, правил, практик богослужения, молитв и жертвоприношений. Ни один язычник не понял бы, что значит «быть язычником». Он просто почитал богов так же, как почитали их из века в век отцы, деды и прадеды.

Так поступали все, кто не родился в иудейских или христианских семьях; так же поступал и Константин. Но он оставил эту практику и перешел к почитанию единого бога христиан. Повесть о том, как Константин стал христианином, сложна и увлекательна. Одни темы в ней мы сейчас назвали бы чисто светскими, общественными или политическими, другие – чисто религиозными. Однако в начале IV века – как и во все предшествующие века истории человечества – эти две сферы жизни, общественно-политическая и религиозная, не воспринимались как разные. Они были тесно и нерасторжимо сплетены. Даже на лингвистическом уровне ни в древнегреческом языке, ни в латыни не было терминов, четко отделяющих друг от друга то, что мы сейчас именуем «политикой» и «религией». На практическом уровне считалось, что боги

⁹ Термины «язычество», «языческий» в этой книге я использую не в уничижительном смысле, а лишь как обозначение всего богатства и разнообразия немонотеистических религий, исповедуемых в античном мире практически всеми, кроме иудеев (и затем христиан). Подробнее об этом см. на с. 105–108.

¹⁰ О языческих религиях мы подробнее поговорим в главе 3. Краткий обзор этой темы в целом: A. D. Lee, “Traditional Religions,” in Lenski, ed., *The Age of Constantine*, 159–79. Более подробный и очень полезный экскурс можно найти в книге: James B. Rives, *Religion in the Roman Empire* (Oxford, UK: Blackwell, 2007). Еще один сжатый, но содержательный обзор: Ramsay MacMullen, *Paganism in the Roman Empire* (New Haven, CT: Yale University Press, 1981). Классикой стала в наше время книга: Robin Lane Fox, *Pagans and Christians* (New York: Knopf, 1987). Очень ценное двухтомное собрание источников вместе с их анализом – Mary Beard, John North, and Simon Price, *Religions of Rome* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998). По поводу моих замечаний о сущности язычества см. также: James B. Rives, “Christian Expansion and Christian Ideology,” in W. V. Harris, ed., *The Spread of Christianity in the First Four Centuries: Essays in Explanation* (Leiden, Netherlands: Brill, 2005), 15–41.

тесно связаны со всеми сторонами общественной и политической жизни общины, от выбора официальных лиц до установления ежегодного календаря, от законов и практик, регулирующих общественные отношения (например, о браке и разводе), до отправления правосудия, от объявления войны до заключения мира. Не было такой области общественной и политической жизни, таких решений, таких действий, в которых не принимали бы участия боги.

На уровне империи это означало: всем известно (и большинство искренне верит), что существуют боги, сделавшие империю великой. Империя благодарит их за это, утверждая и распространяя почитание этих богов. Это укрепляет общественное благо. Для «отделения Церкви от государства» в то время не виделось никаких оснований, и сама такая мысль показалась бы нелепой.

Сами императоры, начиная с середины третьего столетия, ясно это ощущали и соответственно действовали. Именно поэтому всего за несколько лет до воцарения Константина государство активно и жестоко преследовало христианскую религию. Христиане отказывались поклоняться богам империи и даже их признавать, называли их существами злыми, демоническими, а не благими божествами, защищающими величайшую из мировых империй. Отказ поклоняться имперским богам воспринимался как опасность для благополучия империи и, следовательно, угроза государству. Поэтому решение преследовать христиан – в нашем нынешнем восприятии чисто религиозное – в то время было общественно-политическим. Христиане представлялись каким-то раком политического тела. И ни один император не верил в это так твердо (не в последнюю очередь – из-за пугающей скорости роста «рака»), как предшественник Константина на троне, Диоклетиан, инициатор самых масштабных и жестоких гонений на христиан на территории всей империи. Отменять эти гонения пришлось уже Константину. Но пока они были еще в разгаре, он обратился.

Обращение это стало поворотным пунктом в истории империи – не только для судьбы христианства, но и для деяний Рима. Диоклетиановы гонения мы рассмотрим в одной из следующих глав, о биографии Константина также подробно поговорим далее. Сейчас нас интересует именно его обращение и то, насколько радикально изменило оно баланс сил как для преследуемых христиан, так и для римских властей. Чтобы понять, что произошло, нам необходимо отступить немного назад и поговорить о политических и религиозных предпосылках этой истории.

Приход Константина к власти

К концу III века н. э. империя так разрослась и сделалась настолько сложной, что ею уже не мог управлять один человек. Она простиралась от Британии до Ирака, включала в себя абсолютно все Средиземноморье, на севере захватывала значительную территорию современной Европы, на юге – Северную Африку и Египет, на востоке – Палестину и Сирию вплоть до Персии. Много столетий сотрясали ее внутренние раздоры и иноземные вторжения. 284 год н. э. обычно считается конечной точкой серьезных потрясений, известных как «кризис III века» – полустолетия, наполненного государственными переворотами, убийствами и захватами власти, в течение которого на троне сменился двадцать один законный император и тридцать восемь узурпаторов. В дополнение к этому от империи на время откололись две области, одна на востоке, другая на дальнем западе. В результате империя сильно уменьшилась в размерах; от бывшего «Рима» осталась лишь тень. И в довершение ко всему этому, северные границы империи постоянно тревожили варварские орды¹¹.

Император Аврелиан, блестящий полководец (правил в 270–275 гг.), разбил «сепаратистов» и снова подчинил их Риму; однако порядок в стране, а с ним и безопасность северных границ, были вполне восстановлены лишь при Диоклетиане. Диоклетиан был одним из поистине великих политиков-администраторов Древнего Рима. Предшественникам его, включая и Аврелиана, не удалось достичь даже тени стабильности: восемь непосредственных предшественников Диоклетиана погибли насильственной смертью, один за другим, некоторые – спустя несколько недель или даже несколько дней после восхождения на престол. Сам же он правил более двадцати лет – и, первым из римских императоров, добровольно отрекся от власти.

Читателям, не особенно сведущим в римской истории, Диоклетиан известен прежде всего как жестокий гонитель христиан. Это правда: об этом мы подробнее поговорим в главе 7. Однако в первую очередь он был умным, проницательным и изобретательным лидером и управленцем. Среди прочего, он разработал первую работающую систему передачи власти от одного императора к другому. Впрочем, несмотря на свои теоретические достоинства, система эта продержалась едва ли год после первого трансфера власти – и решающую роль в ее падении сыграл не кто иной, как Константин. Огнем и мечом пришел он к единоличной власти – и его правление и по продолжительности, и по историческому значению уступало лишь правлению великого Цезаря Августа.

Со времен Августа, первого римского императора, основной политической проблемой на вершине власти оставалась проблема наследования. Когда император умирает, кто должен наследовать трон? Сам Август – в отличие от многих из пришедших ему на смену, – думал о будущем и намечал себе наследников, предполагая, что его преемником должен стать кровный родственник. Однако родственники его умирали один за другим (как говорили злые языки, от рук убийц), пока единственным наследником не остался его пасынок Тиберий. У императора Тиберия также не было законных наследников – и после его смерти римский мир унаследовал Гай, вскоре получивший недобрую славу под именем Калигулы. В дальнейшем наследование престола также шло через пень-колоду.

Диоклетиан решил, что нужно найти какой-то алгоритм. Почти десятилетие он правил Римом железной рукой, прежде чем разработал свой план. Он предложил систему наследования, основанную не на династических узах, а на заслугах. Империю он предполагал сохранить единой, однако отдать под управление коллегии из четырех императоров – эта система

¹¹ Среди многих авторитетных исследований этого периода можно назвать подробное и полезное изложение: Alan Bowman, Avril Cameron, and Peter Garnsey, *Cambridge Ancient History, The Crisis of Empire: 193–337*, 2nd ed., vol. 12 (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005).

получила название Тетрархии («власти четырех»). Два старших императора именовались августи. У каждого из них был помощник – младший император, именуемый цезарем. Цезари выбирались на основе опыта и квалификации. Они не должны были быть кровными родственниками августов.

Сказано – сделано. Диоклетиан стал старшим императором Востока, назначив своим цезарем военачальника по имени Галерий; еще один военачальник, Максимиан, стал старшим императором Запада, а место цезаря при нем занял отец Константина, Констанций. Хотя каждый император отвечал за определенные провинции, империя не была формально разделена на части. Предполагалось, что все четверо являются соправителями единой империи. Решения каждого императора должны были одобрять все остальные; честь побед и завоеваний каждого делилась на четверых. Императоров было четыре, но империя одна.

Важнее всего был разработанный Диоклетианом порядок наследования. Если один из августов умирал или отрекался от власти, его цезарь «получал повышение» и передвигался на освобожденное место, а старший из двух августов должен был выбрать нового цезаря¹². Предполагалось, что этот новый младший император будет не родным сыном нового августа, а человеком, имеющим необходимую квалификацию для этой должности. Такая система теоретически могла работать вечно: преемники назначались заранее, и не по кровному родству, подверженному различным случайностям, а по способностям и заслугам. Идея была совершенно новая, весьма изобретательная...

И обреченная на поражение. Ибо у нынешних правителей были сыновья – и они, разумеется, не собирались молча смотреть, как престол достается чужим людям.

Даже с самых опасных заданий Константин возвращался невредимым – и победителем.

Диоклетиан правил Римом долго и успешно, более двух десятилетий, однако из-за проблем со здоровьем 1 мая 305 года решил уйти на покой. Чтобы избежать проблем с наследованием, он принудил к тому же самому своего соправителя Максимиана (без всякого его желания) и сделал Галерия и Констанция старшими императорами. На их место, согласно принципам, разработанным Диоклетианом, были избраны два младших императора: Максимин Дайя (не путать с отрекшимся от власти августом Максимианом) стал цезарем Галерия на Востоке, а Север – цезарем Констанция на Западе. Наступил период «Второй Тетрархии».

Казалось, что замысел Диоклетиана работает безупречно. В сущности, так оно и было – пока один из новых августов не умер. Тут-то и обнаружилось, что идея наследования на основании способностей и заслуг противоречит как династическому принципу, так и желаниям армии.

Главными героями этой истории стали новый август Запада Констанций и его сын Константин¹³. Константин, что вполне естественно для сына высокопоставленного государственного деятеля, много лет отдал политике и войне. Он служил в невысоком чине при дворе Диоклетиана, а затем недолгое время при Галерии. Став новым августом Запада, Галерий осознал возможность проблем с Константином, который, согласно традиционному династическому принципу, ожидал теперь возвышения до уровня цезаря. Однако цезарем Константин не стал – и, скорее всего, затаил обиду, а также, возможно, надежду как-либо исправить свое положение. Если верить позднейшим сообщениям, Галерий решил проблему с Константином, попросту убрав его со сцены: начал постоянно отсылать в далекие и опасные военные походы. В одном позднем рассказе, возможно, апокрифическом, говорится даже, что однажды Галерий для развлечения приказал Константину схватиться один на один со львом.

¹² О том, как именно должна была работать эта система, среди ученых идут споры. Я следую реконструкции, приведенной в книге: Barnes, *Constantine: Dynasty, Religion, and Power*, 63.

¹³ См. труды, приведенные в прим. 1 к этой главе на с. 27–28.

Однако даже с самых опасных заданий Константин возвращался невредимым – и победителем. Сделавшись августом, Констанций затребовал сына к себе на службу. С облегчением или из минутной слабости, кто знает, – Галерий уступил. Позднейшая легенда рассказывает, что Константин мчался к отцу во весь опор, боясь, чтобы Галерий не передумал; ехал он верхом по единственной государственной дороге и на каждой станции менял загнанных лошадей, опасаясь, что Галерий отправит за ним погоню.

Так или иначе, Константин беспрепятственно добрался до Галлии, где находилась ставка его отца, и присоединился к его приграничным военным кампаниям. Вместе с ним побывал он в Британии, где отец и сын отражали нападения кельтов из-за Стены Адриана. Здесь, в Британии, Констанций заболел и 25 июля 306 года умер.

И тут карточный домик начал рушиться. Своим преемником в Тетрархии Констанций выбрал не кого-нибудь из своих полковых командиров на основе их заслуг, а родного сына Константина, – то есть вернулся к династическому принципу, от которого Диоклетиан так старался отойти. Проблема была в том, что у Максимиана, против желания отрекшегося от власти августа Востока, также имелся взрослый сын Максенций – и он, как и Константин, чувствовал себя несправедливо обделенным. Увидев, что армия Констанция вернулась к династическому принципу и провозгласила правителем Константина, Максенций поспешил воспользоваться той же привилегией. Он обратился к римской преторианской гвардии – и та провозгласила его императором. Максенций получил контроль над Римом и Италией, и «власть четырех» превратилась во «власть пятерых». И этого мало: словно для того, чтобы еще сильнее все усложнить, Максенций призвал себе на помощь отца Максимиана – и в империи воцарилась «власть шестерых». Но ненадолго.

Гражданская война с Максенцием

Императоры Галерий, Север и Константин считали Максенция (и вполне справедливо) узурпатором и полагали, что от него необходимо избавиться. Выхода не было: назревала гражданская война. Задача оказалась нелегкой. Галерий, старший из двух августов, приказал Северу вести свои войска в Италию и, если понадобится, осадить Рим. Так Север и поступил; однако многие его солдаты перебежали на сторону врага, в битве Север потерпел сокрушительное поражение, был взят в плен и скоро принужден был покончить с собой¹⁴. Тогда Галерий решил взять дело в свои руки и напал на Максенция с востока.

Но и у него ничего не вышло. Он не смог окружить город, также столкнулся с массовым бегством солдат и в конце концов принужден был бежать и едва ушел из-под Рима живым¹⁵.

Особенно важно, что помимо серьезнейших политических и военных последствий победа Константина имела еще один неожиданный исход – религиозный.

Константин все это время держался подальше от места событий: отражал нападения варваров на северных границах и ждал, пока другие императоры разберутся между собой. Выжидал он долгих шесть лет. За это время начали приходить известия о том, что у Максенция в Риме дела идут не лучшим образом. В городе начались перебои с провизией и голодные бунты, солдаты бесчинствуют и грабят мирных горожан, множество людей брошены в тюрьмы или казнены без вины, а сам Максенций, как говорят, предается беспутству и разгулу. И в 312 году Константин решил: пора! Своим солдатам он объявил, что тиранию, воцарившуюся в столице, терпеть больше нельзя, – но умолчал о том, что, свергнув «тирана», сам получит власть над Римом, всей Италией и Северной Африкой.

Для нашей истории особенно важно, что помимо серьезнейших политических и военных последствий победа Константина имела еще один неожиданный исход – религиозный. Особенно важен он в ретроспективе, когда мы смотрим на последующую историю римского мира. Именно во время похода на Рим, рассказывал позже сам Константин, он и обратился в христианство.

Сам поход на Рим стал настоящим шедевром военного искусства. Константин продемонстрировал талант полководца: действовал он быстро и смело – вместе со своей армией перешел через Альпы и двинулся вперед, подавляя на своем пути всякое сопротивление. Одержав несколько побед над силами Максенция в Северной Италии, подчинив себе несколько крепостей, сдавшихся ему без боя, Константин приблизился вплотную к Риму – и здесь готовился к решающей битве с узурпатором, битве, которая поможет ему овладеть всем итальянским полуостровом. Тогда-то Константину и явилось видение.

По крайней мере, так рассказывал об этом он сам. Одна из сложнейших проблем для биографов Константина – вопрос об этом его видении (или, точнее, видениях). Как выясняется, у нас имеется несколько рассказов о нескольких разных видениях, записанных современниками Константина: все эти авторы знали Константина лично и, по-видимому, передавали то, что слышали от него самого или от его близких. В результате очень трудно разобраться, было ли у Константина одно видение, два или три, являлись ли они ему во сне или наяву, и

¹⁴ Армией противника командовал Максимиан, отец Максенция – опытный полководец, всего несколько лет назад возглавлявший нынешнее войско Севера. Большинство солдат Севера, как видно, сохранили лояльность своему прежнему командиру и при первом же удобном случае перешли на его сторону.

¹⁵ Галерий никогда не был в Риме и, видимо, не представлял, как велик этот город. Для осады Рима его войско было слишком мало.

когда именно – еще в Галлии, по дороге в Рим или же в военном лагере к северу от Рима в ночь перед битвой.

Чтобы разобраться в этих дошедших до нас сообщениях, необходимо поместить их в контекст личной религиозной жизни Константина, а для этого отвлечься и отступить еще немного назад.

Видения Константина

О жизни Константина в сознательном возрасте у нас имеются сравнительно очень полные и подробные источники, включая его собственные писания, изданные им законы, его биографию, составленную христианским епископом Кесарии Приморской и «отцом церковной истории» Евсевием (IV век), и другие сообщения современников¹⁶. Однако о жизни его до восшествия на престол – в том числе и о религиозной жизни, – мы знаем намного меньше. Источники в этом отношении крайне скудны. Известно, что родился он на Балканах – и, видимо, изначально принадлежал к какой-либо из местных религий, включавших в себя, например, поклонение фракийским богам-всадникам – сверхъестественным существам, сидящим верхом на небесных лошадях. Как все граждане империи, участвовал он и в гражданских религиозных празднествах, в том числе в культе поклонения покойным римским императорам. У римской армии были свои божества, и Константин, сперва офицер, затем военачальник, несомненно, поклонялся и им¹⁷.

Однако о том, много ли он знал (и что именно знал) о христианстве до своего обращения, нам ничего не известно. Мать его, Елена, позже, уже в годы царствования Константина, стала очень ревностной христианкой; можно предположить, что склонность к христианству обозначилась у нее еще в годы его юности. Однако убедительных свидетельств на эту тему просто нет. Чуть больше сведений у нас о Констанции, отце Константина: некоторые авторы – и среди них биограф Константина, христианин Евсевий – сообщают, что он также сочувствовал христианам¹⁸. Действительно, стоит отметить, что во время изначальной Тетрархии, когда Диоклетиан начал гонения на христиан по всей империи (см. главу 7), Констанций подошел к этой задаче достаточно формально: закрыл несколько церквей, но не арестовывал, не пытал и не казнил христиан. Возможно, он им симпатизировал или даже был христианином сам? Поражает некоторых историков и то, что одна из дочерей Констанция (от последней жены) носила имя Анастасия, греческое слово, означающее «воскресение» – очень подходящее имя для дочери отца-христианина.

Однако это маловероятно. Скорее всего, Констанций, как и немного раньше император Аврелиан, был «генотеистом» – человеком, который почитает одного бога превыше прочих, но не отвергает и божественности других. Превыше всех остальных он вполне мог ставить бога солнца, *Sol Invictus* («Непобедимое Солнце»). Это объяснило бы и то, что вплоть до похода на Рим в 312 году Константин оставался язычником, и позднейшие его рассказы о том, что именно привело его к богу христиан.

О видении (или видениях) Константина, приведших его к обращению, у нас есть три основных источника информации. Первый из них – панегирик, или хвалебная речь, произнесенный неизвестным оратором в 310 году, перед тем как Константин предпринял наконец решительные действия против Максенция. Непосредственным поводом для нее стала военная победа в стычке с Максимианом, отцом Максенция, которого тот убедил вернуться к власти. Речь эта, как все панегирики, переполнена самой беззастенчивой лестью. «Главный герой» в подобных речах всегда изображается величайшим человеком во вселенной, и для доказательства этого оратор обращается к различным его поступкам и переживаниям. Итак, желая дать понять слушателям, что за необыкновенный человек Константин, оратор упомянул (напом-

¹⁶ нас из древности, под названием «Жизнь Константина» (Eusebius, *Life of Constantine*, trans. Averil Cameron and Stuart G. Hall (Oxford, UK: Clarendon Press, 1999). Цитаты оттуда приводятся по этому изданию.

¹⁷ См. Lee, "Traditional Religions."

¹⁸ Евсевий. Жизнь Константина. Главы 13–18, 27.

ним, дело происходило в 310 году), что недавно ему явился в видении бог Аполлон – бог, которого древние часто связывали с солнцем и даже считали непосредственно богом солнца¹⁹.

Оратор рассказывает нам: выиграв битву, Константин решил посетить великолепный храм Аполлона, расположенный, возможно, в горах Вогезы, в Гране (тогдашняя северо-восточная Галлия, нынешняя Франция). Вдруг на пороге храма ему явился Аполлон и протянул несколько лавровых венков: каждый венок символически обозначал тридцать лет жизни, а все вместе они, очевидно, значили, что земной век Константина будет на удивление долгоденствием для смертного. Более того, бог ясно указал, что Константин должен править миром. Но и на этом панегирист не останавливается. Кто же такой сам Константин, говорит он, если не человеческий лик самого Аполлона? Ведь и сам он, как солнечный бог, молод, прекрасен и отличается отменным здоровьем.

Если такое видение действительно имело место – или сам Константин верил, что оно имело место, или даже не верил, но об этом рассказывал, – скорее всего, это должно было произойти, когда он начал поклоняться Непобедимому Солнцу. Возможно, он сделался генотеистом. Это не означало разрыва с язычеством (подробнее мы поговорим об этом в главе 3). Он мог по-прежнему считать иных богов богами и признавать за другими людьми право и даже обязанность им поклоняться. Но собственное внимание генотеист полностью сосредотачивал на том боге, которого считал превыше всех прочих, решив – как император, поставивший себе целью стать величайшим и могущественнейшим человеком на земле, – поклоняться лишь величайшему, самому могущественному божеству на небесах.

Самую полную версию видения (или видений) Константина мы встречаем в рассказе, созданном почти тридцать лет спустя. Этот рассказ появляется в «Жизни Константина», биографии императора, написанной Евсевием; Евсевий получил информацию из первых рук – от самого императора, и заверяет, что именно его рассказ и есть тот, который поведал ему и в истинности которого поклялся сам Константин²⁰.

Евсевий пишет о том, как Константин решил ради блага империи низвергнуть тирана Максенция. Он понимал, что в таком предприятии понадобится помощь богов. К большому сожалению многих позднейших историков, Евсевий не указывает, когда именно император обратился к богам за поддержкой: единственное указание на время в его тексте – туманное «однажды» [цитаты приводятся по русскому переводу «Жизни Константина» Духовной академии СПб. – Прим, пер.]. Как бы там ни было, очевидно, что это произошло до решающей битвы с Максенцием. Итак, Константин размышлял, к кому из богов обратиться за помощью, ясно понимая, что без помощи свыше ему не победить:

Уразумев, что ему нужна помощь выше воинских средств, Константин, для отражения злоумышлений и чародейских хитростей, которыми любил пользоваться тиран, искал помощи Божией. Вооружение и множество войска почитая средствами второстепенными, он признавал непреодолимым и несокрушимым только содействие Бога. Поэтому стал думать, какого Бога призвать бы себе на помощь («Жизнь», 1.27).

Очевидно, что пока Константин мыслил как язычник, у которого есть возможность обращаться за помощью к разным богам. Размышляя об этом, он пришел к мысли, что политеизм в политическом и военном смысле ненадежен – и по примечательно «приземленной» причине. Все его предшественники на престоле «возлагали свою надежду на многих богов» и поклонялись им в надежде на успех. Однако все они, один за другим, терпели поражение и «оканчивали свое дело неблагоприятно». (Это, конечно, не так, но так Евсевий передает нам размышле-

¹⁹ Перевод этого панегирика, вместе с другими панегириками Константину, см. в книге: C. E. V. Nixon and Barbara Saylor Rogers, *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini* (Berkeley: University of California Press, 1995).

²⁰ См. ссылки в прим. 1 на с. 27–28. Сам рассказ находится в книге: Евсевий. Жизнь Константина, 1.27–32.

ния Константина.) За одним лишь исключением: отец Константина, Констанций, обратившись к поклонению одному-единственному богу, окончил свои дни мирно. «Только отец его шел путем тому противным. Видя их заблуждение и во всю свою жизнь чтя единого верховного Бога всяческих, он находил в Нем спасителя своего царства, хранителя его и руководителя ко всякому благу» («Жизнь», 1.27).

Итак, Константин – или, скорее, сам Евсевий, – уверяет нас, что Констанций не просто был генотеистом, а поклонялся христианскому богу. Исторические данные свидетельствуют об обратном; однако сейчас нас больше интересует ход размышлений Константина – или то, как его передает Евсевий. Константин приходит к мысли, что двое предыдущих правителей, воевавших с Максенцием, Галерий и Север, «сражались при множестве богов, однако же имели постыдный конец». Как видно, многобожие в борьбе за Рим не работает. И Константин приходит к такому решению: «Слагая все это в своем уме, он почитал безумием – попусту держаться богов несуществующих и, после стольких доказательств, оставаться в заблуждении, а потому убедился, что должно чтить Бога отеческого» («Жизнь», 1.27).

Константин обратился с молитвою к этому единому богу – и был вознагражден видением. И не он один: видение явилось и всей его армии:

Однажды, в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, – говорил василевс, – я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста, с надписью: «Сим побеждай!» Это зрелище обьяло ужасом как его самого, так и все войско, которое, само не зная куда, следовало за ним и продолжало созерцать явившееся чудо («Жизнь», 1.28).

Значения этого видения Константин не понял – и размышлял над ним до темноты. Ночью во сне ему явился Христос с тем же знаком, который Константин видел на небе, и приказал нести перед войском такой же знак для защиты от нападения врагов.

Однако Константина, как видно, не убедило то, что он видел и во сне, и наяву. Он не знал, что делать, и обратился за советом к религиозным экспертам. Это яснейшее свидетельство, что на данном этапе Константин не стремился становиться христианином. Очевидно, он не вполне понимал даже, кто такой христианский бог и чего он требует от своих почитателей. Ему нужны были разъяснения и советы. Советники объяснили ему, что Христос – «единородный сын единого и единственного Бога», способный даровать «победу над смертью». А знак креста, продолжали они, есть «символ бессмертия». Далее они рассказали Константину, зачем Христос пришел на землю, и объяснили значение воплощения. Константин выслушал их с удивлением – еще одно ясное свидетельство, что все услышанное было для него новостью, – и решил изучить «божественные писания» сам. Так он и сделал, и принял решение «чтить виденного Бога всеми способами служения», поклоняясь ему одному. Затем, призвав златокузнецов и ювелиров, он приказал им сделать крест, – подобие того, что являлся ему и во сне, и наяву; и это приказание было исполнено.

Здесь Евсевий переходит к повествованию от первого лица: по его словам, описав ему этот знак креста, император затем приказал принести его и показал Евсевию²¹. Это был длин-

²¹ Из текста Евсевия создается впечатление, что это происходило во время частной встречи с императором, но, скорее, речь здесь идет о публичном событии, возможно, об обеде императора с епископами – участниками Никейского Собора (о нем в главе 8), завершившего свою работу в 325 году. Из этого следует, разумеется, что свои воспоминания о явившемся ему видении Константин поведал Евсевию и другим епископам тринадцать лет спустя. Рассказ этот содержится в небольшой книжечке, скорее, даже статье под названием «О смерти гонителей», примечательной своим беззастенчивым злорадством. С плохо скрытой радостью описывает Лактанций в этой книжечке страшные и мучительные смерти римских властителей, ответственных за преследования христиан. Однако содержится в ней не только мрачные сцены на смертном одре, но и множество иной исторической информации. Так, в главе 44 мы находим сжатый, неприкрашенный рассказ об обращении Константина. По этой версии, откровение явилось Константину в ночь перед решающей битвой с Максенцием за власть над Римом. Во сне Константин получил приказ – от кого, Лактанций не пишет, – перед тем, как идти в бой, изобразить на щитах солдат «небес-

ный шест, покрытый золотом, и на нем поперечная рей, вместе с шестом образующая очертания креста. Сверху на конце шеста лежал венок из золота и драгоценных камней, а на нем две греческие буквы, «хи» и «ро» – первые две буквы слова «Христос». Под поперечной реей висел тонкий плат. Евсевий добавляет, что «этим-то спасительным знаменем, как оборонительным оружием, всегда пользовался василевс для преодоления противной и враждебной силы, и приказал во всех войсках носить подобные ему» («Жизнь», 1.31). Иными словами, этот предмет – так называемый лабарум, – Константин брал с собой в битву, чтобы тот обеспечил ему победу. И, как видно, это всегда срабатывало.

Есть у нас и третий рассказ об обращении Константина, – и он, мягко сказать, не сходится с двумя первыми. Эта другая версия известна нам из писаний христианского историка и богослова по имени Лактанций. Как источник информации Лактанций чрезвычайно важен. Во-первых, он был лично знаком с императором – и не просто знаком: его император назначил наставником своего старшего сына Криспа. Во-вторых, его рассказ написан не десятки лет спустя, как у Евсевия, а всего через несколько лет после события. Того же самого события? Большинство историков считают, что да; однако расхождения просто поразительные.

Константин приходит к мысли, что двое предыдущих правителей «сражались при множестве богов, однако же имели постыдный конец». Как видно, многобожие в борьбе за Рим не работает.

(непосредственно перед панегириком 310 года), и в то время Константин счел его явлением *Sol Invictus*, но впоследствии пришел к мысли, что ему являлся Христос. Согласно этой версии, еще позже Константин убедил себя, что сразу узнал в видении Христа, а поскольку видение было тесно связано с победой, «вспомнил», что было это как раз в ночь перед битвой. Другие истолкователи впадают в другую крайность – считают, что Константин был визионером, различные видения и вещи сны являлись ему постоянно, так что немудрено было в них запутаться. Как ни странно, такое мнение имеет под собой основания: в похвальной речи Константину, произнесенной ближе к концу его жизни, Евсевий утверждает, что ему являлись «тысячи» видений и снов с участием Христа²².

Имеются в этих рассказах и общие поразительные черты. Во-первых, в каждом случае Константину является один бог, сам по себе, и Константин решает оставить многобожие и поклоняться отныне лишь одному этому богу. Более того, и рассказ панегириста 310 года, и рассказ Евсевия много лет спустя согласны друг с другом в том, что Константин не становится христианином немедленно после сна. Панегирист вообще ничего не говорит о том, что Константин стал христианином: возможно, на тот момент обращения еще не произошло, или Константин еще об этом не объявил, или же, наконец, языческий оратор не счел нужным вдаваться в такие детали. Евсевий признает: императору понадобилось долго советоваться со специали-

ный знак Бога». Так Константин и сделал: на следующее утро он приказал солдатам украсить щиты буквой X, пересеченной загнутой вверх буквой I. Надпись эта – здесь параллель с Евсеем – должна была читаться «хи-ро»: буква «хи» выглядит как X, а «ро» как P, то есть I с загнутым верхним концом. Вооружившись такими щитами, солдаты Константина ринулись в бой – и действительно одержали победу. Различные ученые по-разному пытались примирить эти рассказы о видении или видениях Константина. Некоторые полагают, что видение было лишь одно, за два года до битвы у Мильвийского моста

²² Евсевий. Похвала Константину, 8.1; см. также: Евсевий. Жизнь Константина, 1.47. Самый свежий и полный обзор известий о видениях Константина: Raymond van Dam, *Remembering Constantine at the Milvian Bridge* (New York: Cambridge University Press, 2011). Используя новейшие достижения в исследовании памяти, ван Дам показывает: в конечном счете мы не можем с уверенностью определить, произошло ли что-нибудь, и если произошло, то что именно. Рассказы о видениях Константина безнадежно противоречат друг другу, и даже если мы выберем какой-нибудь один рассказ и решим опираться на него, в каждом случае нас ждут огромные проблемы. Например, Евсевий в самой полной версии своего рассказа ссылается на слова самого Константина через много лет после происшествия. Однако и у Константина, и у самого Евсевия были предубеждения – иначе говоря, причины рассказывать эту историю определенным образом. Более того, Константин, несомненно, видел события прошлого в свете всего пережитого и передуманного за прошедшие годы, так что его воспоминания о прошлом вполне могли не соответствовать действительности – или тому, что сам он в прошлом считал действительностью.

стами, читать и размышлять, чтобы сделать правильные выводы из того, что он увидел. Кто знает, сколько времени заняли эти консультации и размышления?

Одна из причин, по которой нам трудно понять, что же именно увидел Константин и когда это произошло, состоит в следующем: современные исследования обращений показывают, что по прошествии времени после пережитого опыта события в сознании новообращенного начинают путаться – он бессознательно «подгоняет» их под все, что узнал и пережил с тех пор²³. Иначе говоря, то, что вспоминают и рассказывают люди годы спустя, оказывается сильно окрашено тем, что они успели узнать, передумать и перечувствовать в промежутке. Несомненно, это же произошло и с Константином.

Вопрос о том, что же произошло и когда это случилось, раз и навсегда, к удовлетворению всех спорящих сторон, разрешить невозможно²⁴. Но вот возможная реконструкция. Видение – реальное или воображаемое – внесло свой вклад в размышления Константина о проблеме богов и о том, где искать так необходимую ему помощь свыше в борьбе с Максенцием. Он пришел к выводу, что видение послано ему единым истинным богом, и решил поклоняться ему.

На мой взгляд, вероятнее всего, что первое видение произошло именно тогда, когда мы впервые о нем слышим, а именно в 310 году, и после этого Константин стал генотеистом, почитающим Непобедимое Солнце превыше всех прочих богов. До нападения на Максенция оставалось еще два года, так что у него было время поразмыслить о своих новых религиозных обязательствах. Среди прочего, все больше узнавал он о растущем христианском движении – и все больше им интересовался. (В главе 6 мы поговорим о том, как быстро росла в то время христианская Церковь.) Незадолго до битвы за Рим он увидел второе видение, или сон, или то и другое – и принял решение. Решение это состояло не в том, чтобы бросить поклоняться Непобедимому Солнцу и перейти к поклонению богу христиан. Скорее, оно состояло в том, что Непобедимое Солнце и есть бог христиан²⁵.

Константин твердо знал одно: отныне он хочет поклоняться христианскому богу, и только ему одному. С этим убеждением он вступил в битву – и вышел победителем.

Так Константин стал новообращенным христианином. Быть может, важнее всего понимать, что при этом он, как бывает со всеми новообращенными, не знал, да и не мог еще знать всего, что положено было знать христианину тех времен о своей вере. И вера его, и знания, скорее всего, были весьма обрывочными. Он мог даже не знать, что в какой-то момент ему нужно будет креститься. Мог не знать, что христиане не только отвергают поклонение иным богам, но и считают языческих богов не богами, а демонами. Мог не знать, что христианство предъявляет к своим последователям определенные этические требования. Мог не знать, что среди христиан идет напряженная интеллектуальная работа и ведутся серьезные дискуссии относительно природы Бога, сущности Христа, взаимоотношений Христа и Бога. Словом, мог очень многого не знать.

Однако, судя по всему, твердо знал одно: отныне он хочет поклоняться христианскому богу, и только ему одному. С этим убеждением он вступил в битву – и вышел победителем.

²³ Подробнее: Rambo and Farhadian, *The Oxford Handbook of Religious Conversion*.

²⁴ с некоторыми поправками и дополнениями самого Вайсса: "The Vision of Constantine," *Journal of Roman Archaeology* 16 (2003), 237-59.

²⁵ См., например, Potter, *Constantine the Emperor*: «В 312 году Бог Константина был сразу Солнцем и христианским Богом. И, возможно, совершить этот переход было не так уж трудно, ведь в некоторых христианских общинах бог солнца уже отождествлялся с Христом» (с. 158–159).

Битва у Мильвийского моста

О самой битве древние историки рассказывают вкратце; в этой истории она выглядит не кульминацией, а скорее эпилогом. У Севера и Галерия уже ничего не вышло – и вполне понятно, что Константин беспокоился за исход своей кампании. Однако у него было несколько преимуществ, которых не было у предшественников, а кроме того, Максенций на этот раз принял крайне неудачное решение. Помогло Константину и то, что Максимиана, отца Максенция, блестящего и опытного полководца, уже не было в живых: еще два года назад он попал к Константину в плен и там покончил с собой. Более того, у Максенция в Риме земля горела под ногами. Шесть лет назад, при начале правления, город встречал его с распростертыми объятиями. Но с тех пор, как мы уже упоминали, все сильно изменилось.

Предвидя нападение с севера, Максенций предпринял, казалось бы, вполне разумный шаг: разрушил все мосты через Тибр, чтобы затруднить продвижение атакующей армии. Но затем, в последний момент, принял еще одно решение, которое и оказалось поистине роковым: решил не укреплять город в ожидании осады, а выйти навстречу противнику и навязать ему бой.

Однако разрушенные мосты не позволяли пересечь Тибр и выбрать удобное поле для сражения. Поэтому Максенций выстроил близ снесенного Мильвийского моста временный понтонный мост и по нему перебрался вместе с армией на дальний берег. Стоя спиной к реке, войска Максенция лишились возможностей для маневра – и были разбиты наголову. В отчаянии пытались они бежать по понтонному мосту обратно через реку, чтобы укрыться в Риме, но под тяжестью множества солдат и лошадей мост провалился, и многие, в том числе и сам Максенций, утонули в Тибре²⁶.

На следующий день Константин вошел в Рим как новый его правитель, император всей западной половины империи. Как мы увидим в главе 8, до того, как он станет правителем всей империи, оставалось еще двенадцать лет. Но Константин умел ждать. А пока ему оставалось лишь убедиться в мудрости своего религиозного решения. Он посвятил жизнь богу христиан, поклонился ему – и одержал победу. Христианский бог оказался могущественнее иных римских богов. Теперь он, и только он будет Константиновым богом. Константин стал христианином...

Но точно ли стал?

²⁶ Евсевий полагает: Максенций понимал, что мост может рухнуть, и рассчитывал заманить Константина и его армию в ловушку. Однако план этот сработал против него самого, когда армия его была окружена, разбита и пыталась бежать обратно в город. Предположение интригующее, однако выглядит не слишком правдоподобно.

«Искренность» обращения Константина

Уже долгие годы ученые ведут довольно-таки скучный спор об искренности обращения Константина. Немало современных специалистов воспринимают этот спор как пустую трату времени, хотя наблюдатели, не столь погруженные в тему, по-прежнему думают, что вопрос этот серьезен и важен. Начал этот спор в 1853 году швейцарский ученый Якоб Буркхардт, заявивший в своей книге *Die Zeit Konstantins des Grossen* («Век Константина Великого»), что конечным мотивом обращения стала для Константина не религиозная ревность, а «всепоглощающая жажда власти». Многое можно было бы сказать и о самом этом аргументе, но к нему Буркхардт добавил такие пояснения: Константин, мол, увидел в быстро развивающейся христианской Церкви силу, которая поможет ему завоевать мир, и заключил с ней союз – из личных амбиций, нимало не интересуясь ни самой Церковью, ни ее притязаниями на истину.

В ходе спора историки приводили множество свидетельств в пользу такой точки зрения. Начать с того, что на публике Константин продолжал соблюдать языческие ритуалы. В римской древности нет источника, по которому можно судить о личных взглядах и целях императора лучше, чем по монетам. Изображения и надписи на монетах позволяют безошибочно определить, какой идеологии, взглядов и ценностей придерживался тот или иной правитель. Учитывая это, стоит обратить внимание, что с 310 года на монетах Константина появляются образы *Sol Invictus* – бога-солнца. Как мы уже видели, есть основания именно к этой дате относить его переход в генотеизм. Но вот что особенно поражает и не позволяет многим поверить в искренность христианского обращения Константина: те же образы остаются на монетах и годы спустя после битвы у Мильвийского моста. Если Константин в самом деле стал христианином, почему же продолжал чеканить на монетах языческие изображения?

Более того, продолжают сторонники этого мнения: после своего предполагаемого обращения и Константин, и его близкие высказывались о Боге очень уклончиво. Стоит обратить внимание на Арку Константина, и по сей день стоящую неподалеку от римского Колизея. Эту Триумфальную арку воздвиг сенат в честь славной победы Константина над Максенцием, по случаю второго визита Константина в Рим в 315 году. На арке имеется надпись, описывающая это великое событие; упоминается и о том, что перед началом боя Константин призвал для себя божественную помощь. Однако прямых упоминаний христианского бога здесь нет. Напротив, в очень общих и уклончивых выражениях говорится, что Константином руководило «вдохновение божества». Будь Константин поистине новообращенным, неужели постеснялся бы открыто заявить, что ему помог именно христианский бог?

Более того: сторонники неискренности Константина указывают на то, что после решительной битвы за Рим Константин *повел себя* совсем не как христианин. Вскоре после победы он приказал казнить своего десятилетнего племянника, сына Галерия. Какой же христианин станет убивать десятилетнего ребенка? А еще позже – казнил собственного старшего сына и наследника Криспа, а также жену Фавсту. Поступки, достойные деспота, а не истинно верующего! Наконец отмечают, что Константин крестился лишь на смертном одре, приблизительно через двадцать пять лет после предполагаемого обращения. Неужто лишь тогда он наконец «увидел свет»?

По всем этим причинам ученые конца XIX и XX века немало спорили о том, стал ли Константин искренним сторонником христианства. Однако современные историки, как правило, рассматривают те же свидетельства в ином ключе.

Совершенно верно, что и после событий 312 года Константин продолжал использовать в своей личной пропаганде образ *Sol Invictus*, иногда даже чеканя рядом с ликом бога-солнца свой собственный профиль. Но это не свидетельствует, что он поклонялся каким-то иным божествам, кроме христианского бога. Христиане до Константина порой отождествляли Хри-

ста с солнечным богом – и, как я уже писал, Константин, скорее всего, также не *предпочел* Христа солнечному богу, а их *отождествил*.

То, что Константин не всегда – например, на Триумфальной арке или на монетах – определял своего бога как бога христиан, вполне может объясняться и иными причинами. Прежде всего стоит подчеркнуть, что не сам Константин выбирал надпись для арки. Этот монумент воздвигли в его честь другие, но не он сам.

Еще более важно то, что у Константина, скорее всего, были серьезные причины не выставлять свои новые религиозные убеждения напоказ. Как пишет современный исследователь Константина Гарольд Дрейк, Константин осознавал себя правителем не только христиан, но и всего населения империи – христиан, язычников и иудеев. Поэтому, исповедуя монотеизм, он стремился не оскорблять чувства и своих иноверных подданных. Константин не стал бы публично демонстрировать свою приверженность христианству – для этого он был слишком политиком. Однако и изменять своим монотеистическим убеждениям он не хотел. Стремясь сохранить баланс между двумя своими лояльностями, христианской и имперской, и совместить их друг с другом, Константин тактично выбирал такой публичный язык, которым сможет выразить свои убеждения, не отталкивая от себя приверженцев иных вер²⁷.

Что касается того, что Константин вел себя не как христианин, напротив, делал такие вещи, которые христианская этика решительно порицает, – не стоит забывать, что обращение его не было мгновенным принятием всех традиционных христианских верований, практик или моральных установок. Более того: историку стоит быть осторожным с самим представлением о том, что значит «быть христианином», и не пытаться судить Константина сообразно нашим понятиям об этом. Верно ли, что человек, совершающий дурные поступки – не христианин? В самом деле, некоторые действия Константина никак не сочетаются с традиционной христианской моралью. Но, с другой стороны, он управлял империей. Попробуй он править Римом в стиле Нагорной проповеди – и месяца бы не протянул.

А как насчет решения Константина откладывать крещение до последней минуты? Это, пожалуй, самый слабый аргумент: ведь такая практика была довольно распространенной, особенно среди христиан, серьезно относившихся к богословскому мнению, что грехи, совершенные после крещения, не могут быть прощены и ведут к вечному наказанию. Такое мнение мы встречаем уже в Новом Завете: «Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников» (Евр. 10:26–27; см. также Евр. 6:4–6). Едва ли стоит удивляться, что человек, верящий в это, будет оттягивать крещение до последнего момента. Так многие и поступали.

Константин не стал бы публично демонстрировать свою приверженность христианству – для этого он был слишком политиком. Исповедуя монотеизм, он стремился не оскорблять чувства и своих иноверных подданных.

На самом деле у нас имеется множество вполне убедительных свидетельств, что на протяжении своего царствования Константин был серьезным, искренним христианином, – пусть даже он лишь постепенно приходил к пониманию того, что это означает. Среди его политических решений, принятых после битвы у Мильвийского моста – многочисленные льготы и знаки благоволения христианским церквям. Через несколько месяцев после взятия Рима он заключил со своим соправителем Лицинием, который после смерти Галерия в 311 году стал императором Востока, соглашение о полном прекращении гонений на христиан, начатых десятью годами ранее, при Диоклетиане. Так называемый «Миланский эдикт» (на самом деле не эдикт

²⁷ Помимо Drake, *Constantine and the Bishops*, см. Н. А. Drake, “Constantine and Consensus,” *Church History* 64 (1995), 1–15.

и принятый вовсе не в Милане) даровал всем жителям империи полную религиозную свободу, раз и навсегда покончив с преследованием христиан²⁸.

Но христианство было не просто декриминализировано: из положения гонимой религии оно стремительно поднялось до статуса религии «наибольшего благоприятствования». Константин организовал и профинансировал строительство множества христианских церквей как в Риме, так и за его пределами: самая известная из них – Латеранская базилика, в истории христианства прославленная как официальный собор римского епископа (т. е. папы). Он расточал благодеяния христианским священнослужителям. Он заставил власти провинции Африка вернуть христианским церквям все имущество, конфискованное во время гонений.

На это, пожалуй, можно возразить: Константин вступил с Церковью в союз, но союз этот был чисто политическим и не предполагал личной приверженности христианской вере. В теории такое возможно, однако у нас есть два свидетельства, полностью опровергающие эту версию: во-первых, почти немедленное участие Константина в христианских богословских и церковных спорах, и во-вторых, слова, вышедшие из-под его собственного пера, в которых он ясно исповедовал свои религиозные взгляды.

Что касается активного участия в церковных делах, уже в 313 году и еще более активно в 314 году Константин принял участие в бурном донатистском споре в Северной Африке. Там шла ожесточенная полемика о том, что считать легитимной христианской общиной и кого – ее легитимными лидерами. Поначалу Константин бросился в бой, не особенно заботясь о том, на чьей стороне правда, но со временем выработал по этому вопросу вполне ясное мнение, согласившись (что и неудивительно) с точкой зрения подавляющего большинства лидеров Церкви, особенно римских²⁹.

Еще удивительнее в этом смысле был спор об арианстве, разразившийся тринадцать лет спустя. Теперь спор касался не церковной политики, а основ богословия, в первую очередь острого и сложного вопроса о сущности Христа и его отношениях с Богом Отцом. Равны ли они? Или Отец больше Сына? Со-вечны ли они? Или Отец существовал, когда Сына еще не было? Как и большинство христиан своего времени, Константин не следил за тонкостями этого спора, да едва ли сильно ими интересовался. Тем не менее он принял эту проблему близко к сердцу и в 325 году собрал знаменитый Никейский Собор, чтобы ее разрешить. И не просто созвал Собор, но и активно участвовал в обсуждениях, и фактически продавил окончательное решение. Что за примечательный исторический момент! Опытный, закаленный в боях полководец, властитель, правящий железной рукой, человек, проливший немало крови, – обсуждает с христианскими епископами философское значение слов Писания! После такого трудно предполагать, что христианство совсем его не волновало.

И, наконец, у нас есть слова, написанные и публично произнесенные самим Константином, – слова, в которых он ясно выражает свою глубокую приверженность христианству. Нигде это не видно яснее, чем в его сочинении, известном под названием «Обращение к святым»³⁰. Этот пространственный текст в форме речи состоит из двадцати шести глав. Устное его произнесение заняло бы два часа. Известно, что речь эта была произнесена на Пасху, но мы не знаем, какого года: мнения ученых расходятся от 315 до (это, быть может, более вероятно) 325 года. Речь представляет собой в первую очередь защиту христианской веры от язычников. В ней выражены философские и богословские взгляды Константина – хотя ни один богослов ни тогда, ни сейчас, несомненно, не считал бы их особенно глубокими или неординарными. Константин получил хорошее образование, но профессиональным интеллектуалом не был. Тем

²⁸ Это был не императорский указ, изданный в Милане, а письмо, опубликованное Лицинием на основе их с Константином соглашения, заключенного в Милане ранее.

²⁹ Подробнее в главе 8.

³⁰ Английский перевод приводится автором по изданию: Mark Edwards, *Constantine and Christendom* (Liverpool: Liverpool University Press, 2003).

не менее в этой речи он излагает свои религиозные взгляды, ясно дает понять, насколько им привержен и как тесно они в его сознании связаны с его политическими целями. Важно всегда помнить то, о чем я сказал в начале этой главы. Люди древности – будь то язычники, иудеи или христиане – не проводили четкой границы между религиозным и политическим. Возможно, им даже сложно было бы понять разницу.

В этой речи мы тоже четкой границы не видим. Константин начинает с эмоционального утверждения, что в мире есть и должен быть лишь один божественный правитель, единый бог над всем. Будь на свете множество божеств, люди совершали бы кощунство всякий раз, решая поклониться какому-либо одному богу вместо всех остальных. Что еще важнее, будь богов много – над единством восторжествовало бы разделение. А миру нужно единство. Константин вполне открыто дает понять, что думает не только о единстве на небесах, – не меньше, если не больше, заботит его земная жизнь.

Вера в единого Бога на небесах укрепляет убежденность Константина в том, что сам он должен быть единым правителем на земле.

Итак, что на небе, то и на земле. Бесчисленные божества, соперничающие между собой за людское внимание, ведут к разделению, зависти и ревности. Это, по его словам, «пятнает гармоничное согласие целого, ибо каждый по-своему распоряжается доставшимся ему жребием и никто не думает о том, чтобы сохранять весь мир в едином состоянии и согласно единым принципам». Такое положение дел ведет к «смешению всего». Под «всем» Константин в самом деле понимает *все*. «Перепутаются небесные созвездия, времена года перестанут в правильном порядке сменять друг друга, земля прекратит давать плоды, смешаются день и ночь». Вот что может случиться, если в мире не будет единого правителя! А из этого (если кто вдруг не понял) очевидно, что и стране необходим единый император.

Однако речь Константина – не чистая демагогия. В ней слышны не только притязания на власть, но и искреннее религиозное чувство: вера в единого Бога на небесах укрепляет убежденность Константина в том, что сам он должен быть единым правителем на земле. Поэтому он полностью предан Господу всяческих. Он абсолютно лоялен христианству, как сам об этом заявляет: «Истинная задача моя – всей своей жизнью воспевать Христа и благодарить его за оказанные нам многочисленные и великие милости» («Обращение», 5).

В «многочисленных и великих милостях» в обмен на поклонение христианскому богу Константин, безусловно, был очень заинтересован. Ни богословие его, ни богочитание не были бескорыстными. Однако в контексте древности это норма – напротив, обратное было бы странным исключением.

Обращение Константина: итоги

Некоторые историки утверждают: будь Константин в самом деле христианином, он бы активнее обращал в христианство своих подданных-язычников. Этого он, очевидно, не делал. Однако Гарольд Дрейк показал, что это не аргумент против искренней христианской веры Константина. Скорее, это свидетельство того, *каким* христианином он был и стремился быть. В те времена – как и во все последующие столетия – множество христиан вовсе не считали для себя обязательным навязывать свои христианские взгляды приверженцам иных религиозных традиций³¹. Константин ясно видел, что государственное вмешательство в религиозные дела ни к чему хорошему не ведет – и заниматься этим сам не собирался. Он поддерживал христиан, различными способами пропагандировал монотеистическое благочестие, позволял людям почитать Бога или богов так, как они считают нужным, – и этим был вполне доволен.

Однако обращение его имело серьезные последствия. Все римские императоры после Константина – за одним кратким, но ярким исключением – также были христианами. Христианство овладело римским миром, стало официальной религией империи, а со временем – и господствующей религией Запада.

³¹ См. прим. 1 на с. 45.

Глава вторая

Начало: обращение и миссия Павла

Быть может, решение Константина поклоняться одному лишь богу христиан стало поворотным пунктом в истории Запада; однако оно бледнеет в сравнении с другим обращением, произошедшим почти тремя веками раньше. Если бы апостол Павел не «увидел свет» и не стал последователем Иисуса, христианская религия, открытая для всех – и иудеев, и язычников, – вполне возможно, не развилась бы в мировой феномен, заслуживающий описания. Весьма вероятно, что она осталась бы иудейской сектой, чье историческое значение близко к значению саддукеев или ессеев, очень важных для историков иудейской древности, но совершенно незначительных для всего остального мира.

Трудно представить себе людей более различных, чем Константин и Павел. Константин – самый могущественный, влиятельный и богатый человек в стране; Павел – бедный бродячий проповедник, измученный тяжкими трудами и дальними дорогами, миру в целом почти вовсе не известный. Константин правил огромной империей, командовал самыми мощными армиями своего времени; Павел зарабатывал себе на хлеб ремеслом и проповедовал в своей мастерской таким же беднякам. Величие и блеск жизни Константина едва ли поддаются описанию; жизнь Павла лучше всех описал он сам, сравнивая себя с другими апостолами³²:

Христовы служители? в безумии говорю: я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе (2 Кор. 11:23–27).

С одной стороны – великий и прославленный император; с другой – нищий, осаждаемый бедами ремесленник. Но эти двое – самые значительные новообращенные в истории христианства; и не будь второго из них, эта история никогда не была бы написана.

³² Биографий Павла и исследований о Павле – легион. Более подробное изложение моей собственной точки зрения: Bart D. Ehrman, *Peter, Paul, and Mary Magdalene* (New York: Oxford University Press, 2006). Классический труд, рассматривающий Павла с точки зрения скорее социальной истории, чем богословия: Wayne A. Meeks, *The First Urban Christians: The Social World of the Apostle Paul*, 2nd ed. (New Haven, CT: Yale University Press, 2003). Полезная, но очень небольшая книжечка: E. P. Sanders, *Paul: A Short Introduction* (New York: Oxford University Press, 2001). Свежая и более подробная работа того же автора: E. P. Sanders, *Paul: The Apostle's Life, Letters, and Thought* (Philadelphia: Fortress, 2015). Еще одно полезное недавнее издание: Albert Harrill, *Paul the Apostle: His Life and Legacy* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012).

Источники по жизни и учению Павла

В отличие от подавляющего большинства Павловых современников, столь же незнатного происхождения и скромного положения, о жизни Павла-христианина – как о его обращении, так и о последующих миссионерских трудах по обращению других, – у нас имеется вполне приличный набор источников. Источники эти дошли до нас в составе Нового Завета. Верующие более поздних времен приписали им статус Священных Писаний; но для историков это не причина их отвергать. Это документы, созданные людьми, не подозревавшими о том, что пишут Библию.

Многие из этих Писаний носят на себе имя самого Павла. Всего у нас имеется тринадцать посланий, то есть писем, авторство которых приписывается Павлу, – вместе с еще несколькими посланиями, не входящими в Новый Завет. Те послания, что в новозаветный канон не вошли, явно не подлинны: их авторы – позднейшие христианские писатели, которые ставили на своих сочинениях имя Павла, чтобы побудить читателей их прочесть. В современности такие рукописи именуются подделками; в древности читатели давали им столь же нелестные имена, – разумеется, если догадывались, что рукопись неподлинная. Начиная с XIX века ученые признают, что и некоторые новозаветные «послания Павла», увы, заслуживают таких же названий. Шесть из тринадцати канонических «посланий Павла», по-видимому, составлены позже и другими авторами. Однако у нас остаются еще семь писем, написанных несомненно самим Павлом, – бесценных источников для его биографии³³.

Одна из проблем с этими письмами – в том, что Павлу в целом неинтересно обсуждать то, что интересует нас. Писал он не для того, чтобы поведать потомкам о своем обращении или о том, что случалось ему переживать, обращая других. Как правило, послания его касаются проблем, с которыми сталкивались новообращенные в своей личной и общинной жизни уже после обращения, – вопросов о том, во что верить и как себя вести. Если какая-то основанная им церковь – например в Фессалониках или в Коринфе – жила без проблем, у Павла и не было причин ей писать. Более того, во всех случаях адресаты уже прекрасно знают, как обратился Павел и тем более как обратились они сами. Поэтому интересующую нас информацию приходится собирать по крупицам из мимолетных замечаний или выводить путем дедукции.

Константин и Павел – самые значительные новообращенные в истории христианства; и не будь второго из них, эта история никогда не была бы написана.

По счастью, имеется у нас и второй источник информации: рассказ о росте и распространении христианской Церкви в первые тридцать лет, начиная с дней воскресения Иисуса. Содержится он в новозаветной книге под названием Деяния апостолов, как считается, написанной кем-то, кто сопровождал Павла в его миссионерских путешествиях. Можно ли надеяться на лучший источник? И в самом деле, эта книга трижды, в разном контексте, описывает обращение Павла – и уделяет очень много внимания его миссионерским приключениям после обращения.

Проблема в том, что это историческое повествование во многих, очень многих случаях не вполне исторично. Ученые в целом согласны с тем, что на самом деле книгу написал не спутник Павла – главным образом потому, что и мелкие подробности, и более крупные мотивы

³³ Семь бесспорных посланий Павла: к Римлянам, Первое и Второе к Коринфянам, к Галатам, к Филиппийцам, Первое послание к Фессалоникийцам и Послание к Филимону. О проблеме поддельных древних текстов, вопросах терминологии (допустимо ли называть подобные тексты подделками?) и сомнительном авторстве Павловых посланий см.: Bart D. Ehrman, *Forged: Writing in the Name of God – Why the Bible's Authors Are Not Who We Think They Are* (San Francisco: HarperOne, 2012).

повествования здесь явно расходятся с тем, что Павел говорит о себе сам³⁴. Наиболее распространенная сейчас точка зрения состоит в том, что неизвестный автор работал не менее чем через двадцать лет после смерти Павла, – а в последнее время все больше ученых настаивают, что лет через шестьдесят, – что знаний из первых рук ему не доставало и стремился он создать не столько исторически точное и надежное, сколько увлекательное повествование³⁵. В результате тем, кто хочет знать, что же на самом деле говорил, делал и переживал апостол Павел, Деяния апостолов необходимо использовать с осторожностью, радуясь, что эта книга предоставляет нам хоть какую-то информацию, но помня, что вся она не слишком достоверна. Поэтому, как правило, исследователи Павла сосредотачиваются на тех семи посланиях, которые, как мы помним, несомненно вышли из-под его пера.

³⁴ *Forged*, 202–209.

³⁵ О датировке этой книги началом II века, приблизительно через шестьдесят лет после смерти Павла, см. в книге: Richard Pervo, *Dating Acts: Between the Evangelists and the Apologists* (Santa Rosa, CA: Polebridge Press, 2006).

Иудей Павел

Чтобы понять обращение Павла, нам необходимо сперва осознать, *из какой веры* он обратился в веру в Иисуса. В отличие от Константина, Павел вырос не язычником, а иудеем. В принадлежащих ему посланиях он дважды об этом упоминает. В первый раз – в письме к церквям Галатской области, в современной Центральной Турции. Желая доказать, что разбирается в ценности и значении иудейской веры, Павел подчеркивает, что сам в молодости был ревностным иудеем, стремящимся исполнять все требования своей религии. Именно эта религиозная ревность привела его к преследованию тех иудеев, которые объявили Иисуса из Назарета Мессией:

Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий (Гал. 1:13–14).

То же самое подчеркивает он в письме христианам из церкви в македонском городе Филиппы, но здесь останавливается на своем прошлом подробнее:

[Я] обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению – фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный (Фил. 3:5–6).

Чтобы понять христианскую веру Павла, очевидно, нам нужно хоть что-то знать о его иудейских корнях. Иудеи в дни Павла составляли около 7 % населения Римской империи; все остальные, разумеется, были язычниками. Как и в наше время, иудаизм был чрезвычайно разнообразен: различные группы иудеев, как в Палестине, так и за ее пределами, в так называемой диаспоре, придерживались широкого спектра различных верований и практик³⁶. Павел, как видно, не был типичным иудеем: хотя Деяния и упоминают (Деян. 22:3), что он был высокообразованным раввином и учился в Иерусалиме у одного из самых известных тогдашних учителей, сам он ничего о своих дохристианских успехах не рассказывает. Более того, очевидно, что родной его язык – греческий (на котором он пишет), и Павел владеет им на достаточно высоком уровне. Можно предположить, что Павел родился и вырос не в Палестине, по всей видимости, в большом городе, где и получил образование. Книга Деяний называет его родным городом киликийский Таре (Дели. 22:3), но сам Павел об этом не упоминает.

Несмотря на свое разнообразие, иудеи во всей империи отличались некоторыми общими чертами, четко отделяющими их от соседей-язычников³⁷. Самое очевидное – то, что иудеи были монотеистами: поклонялись лишь одному богу, богу Израилеву. Это не требовало от иудеев отрицать существование других богов: некоторые считали, что те существуют, но поклоняться им не следует, другие – что языческие боги обитают лишь в воображении язычников. Так или иначе, иудеи поклонялись только своему богу.

Кроме того, иудеи верили, что именно этот единый бог, творец вселенной, сделал иудеев своим избранным народом и заключил с ними «завет», нечто вроде контракта или мирного договора. Завет был заключен с иудейскими праотцами и далее переходил из поколения в поколение к их потомкам. В нем Бог соглашался быть богом только для иудеев в обмен на то, что

³⁶ Обзоры иудаизма во времена Павла: Shaye Cohen, *From the Maccabees to the Mishnah*, 3rd ed. (Louisville, KY: Westminster John Knox, 2014); E. P. Sanders, *Judaism: Practice and Belief* 63 BCE to 66 CE (Philadelphia: Trinity Press International, 1992).

³⁷ Об этом много пишет Э. П. Сандерс, ведущий исследователь Павла и древнего иудаизма. См. его книги, приведенные на с. 61 и 65. Классическое изложение его взглядов можно найти в академической монографии: *Paul and Palestinian Judaism* (Philadelphia: Fortress Press, 1977).

они станут только его почитать, только ему поклоняться и повиноваться. Завет не ждал и не требовал, что иудеи начнут обращать и привлекать в свою общину других. Как мы увидим далее, по большей части иудеи были равнодушны к религиозной жизни язычников. Однако себя они считали избранным народом, обладающим уникальной связью, своего рода политическим и юридическим соглашением с единым Богом, создателем и царем всего.

Это юридическое соглашение включало в себя особые законодательные требования, изложенные в «законе Моисеевом», который мы находим в священных иудейских Писаниях. В этих Писаниях, позднее составивших христианский Ветхий Завет, содержатся книги, рассказывающие о том, как Бог в давние времена, впервые освободив Израиль из рабства и сделав его своим народом, даровал закон великому пророку и освободителю Моисею. Закон включал в себя Десять заповедей, а также множество других требований, относящихся к тому, как иудеи должны жить друг с другом и как поклоняться Богу. Среди прочего иудеям заповедовалось обрезать младенцев-мальчиков, соблюдать субботу и есть только кошерную пищу.

Когда Павел называет себя иудеем по рождению, роду, обрезанию и ревности к закону, он имеет в виду именно это. Он строго соблюдал предписания закона. Дальше он говорит, что был фарисеем. О том, что именно это означало, ученый мог бы написать огромную книгу – и многие ученые так уже и сделали³⁸, – но для наших целей достаточно сказать: фарисеи очень серьезно относились к соблюдению всех требований Бога. Они создавали устные толкования закона, следуя которым, верующие могли не сомневаться, что исполняют все положенное именно так, как должно. Ни письменный закон, ни эти устные предания не воспринимались иудеями как тяжкое бремя. Наоборот, они освобождали: у Бога иудеи учились жить правильно и выполнял все его требования с радостью.

Самая непримиримая война – война гражданская. И самые жестокие религиозные гонения нередко обращаются на тех, кто принадлежит к одной религии с гонителями.

Как и многие другие иудеи того времени – включая и таких людей, как Иоанн Креститель и Иисус из Назарета, – фарисеи придерживались своеобразного апокалиптического взгляда на мир, сложившегося в самом конце библейского периода и далее, вплоть до I века н. э. Этот взгляд предполагал, что мир не находится под прямым управлением

Бога. По неизвестным причинам Бог отдал власть над миром противостоящим ему космическим силам, ответственным за всю известную нам боль, несчастья и страдания. Но скоро Бог вмешается в ход истории, уничтожит силы зла и установит свое благое царство, где его народ будет вести утопическое существование. Жалкие и развращенные царства мира сего сменятся Царством Божиим. В этом царстве радости, мира, любви и процветания верующие будут наслаждаться жизнью вечно. Но пока род человеческий обречен на страдания и может лишь с надеждой ожидать того дня, когда Бог перевернет мир вверх дном и изменит судьбы избранных. Благая весть в том, что день этот недалек. Он настанет очень скоро.

То же проповедовал и Иисус³⁹. И Павел, никогда не знавший Иисуса, – он родился и вырос в другой стране, говорил на другом языке, принадлежал к другой форме иудаизма, фарисейству, – разделял эти его взгляды. Но эти двое были очень разными иудеями. Разумеется, были у них и значительные точки соприкосновения: оба были иудейскими монотеистами, принадлежали к общине, обязанной повиноваться закону Божию, оба были апокалиптиками – верили, что Бог скоро положит конец несчастьям мира сего и установит во вселенной свое Царство. Но Павел впервые услышал об Иисусе лишь через некоторое время после его смерти. И то, что услышал, ему совсем не понравилось. Напротив – это возбудило в нем ревность о вере.

³⁸ См. об этом у Коэна и Сандерса в книгах, приведенных в прим, на с. 65.

³⁹ См. мою книгу: *Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium* (New York: Oxford University Press, 1999).

По его собственным словам, услышав, что говорят последователи Иисуса, он начал жестоко их преследовать, стремясь уничтожить Церковь.

Может показаться странным, что Павел так резко противостоял тем, с кем, казалось бы, у него было так много общего. Но, с другой стороны, самая непримиримая война – война гражданская. И самые жестокие религиозные гонения нередко обращаются на тех, кто принадлежит к одной религии с гонителями.

Павел – гонитель Церкви

Относительно приблизительной хронологии Павловых гонений на Церковь среди ученых особых разногласий нет⁴⁰. Большинство ученых полагают, что Иисус умер в 30 году н. э.; возможен разброс от 29 до 33 года, но не более. Учитывая другие относительно точно датированные факты, а также хронологические указания в посланиях Павла («спустя три года» он сделал то, «через четырнадцать лет» сделал это – см. Гал. 1:18; 2:1), практически все приходят к выводу, что он обратился через три или четыре года после смерти Иисуса. Так что возьмем за точку отсчета 33 год н. э. Это значит, что Павел преследовал христианскую Церковь в первые три года ее существования.

У нас нет способа узнать, продолжались ли гонения с его стороны всего несколько месяцев или несколько лет. Более того, мы не знаем, где это происходило. Книга Деяний утверждает, что это было в местах служения Иисуса, – особенно в самом Иерусалиме, – а также на севере оттуда, по направлению к Дамаску (Деян. 8:1–3; 9:1–2), однако есть серьезные причины в этом сомневаться. Сам Павел пишет, что вскоре после обращения «церквям Христовым в Иудее лично не был известен» (Гал. 1:22). Значит, маловероятно, что он свирепствовал там, словно лиса в курятнике. Более того, он ясно дает понять, что обратился не в Иерусалиме, хотя не говорит, где именно (по словам Деяний, это произошло «на дороге в Дамаск»). В результате мы не можем сказать, насколько распространились за первые два-три года последователи Иисуса и где услышал о них Павел.

Как услышал о них Павел – нетрудно догадаться. Первые последователи Иисуса – его ученики, поверившие в воскресение, и те, кто услышал об этом от учеников и тоже уверовал, – были иудеями до мозга костей. Очевидно, они распространяли свою веру, общаясь с другими иудеями, делясь с ними своей «благой вестью» на различных иудейских мероприятиях. Во всем Израиле, в Сирии и Киликии, а также во всех близлежащих областях иудеи каждую субботу собирались в синагогах. Должно быть, там иудеи, уверовавшие в Иисуса, и рассказывали остальным, что он – Мессия, умерший и воскресший из мертвых несколько месяцев, год или два года назад.

Во времена Павла среди иудеев, ожидавших Мессию, не было и мысли о том, что Мессия будет страдать за грехи других или воскреснет из мертвых.

Важно задуматься над тем, почему такая проповедь могла привести к жестоким гонениям со стороны не только Павла, но и, судя по всему, других иудеев одного с ним образа мыслей. Мы уже упомянули, что самая жестокая религиозная нетерпимость возникает между близкими течениями. Гражданскую власть христиане пока не беспокоили – они не нарушали никаких законов. Гонения на них были вызваны религиозной враждебностью, связанной, по всей видимости, с самой сутью их веры. Все дело было в том, что говорили последователи Иисуса – для простоты будем уже на этой ранней стадии называть их христианами⁴¹.

⁴⁰ Существует множество книг, посвященных именно хронологии жизни и служения Павла. Широко известна, например: Gerd Luedemann, *Paul, Apostle to the Gentiles: Studies in Chronology* (Philadelphia: Fortress Press, 1984).

⁴¹ Многие ученые отказываются называть ранних последователей Иисуса «христианами», поскольку многие отличительные черты христианства – прежде всего основные пункты его вероучения, – на тот момент еще не сложились. Но, с другой стороны, складывались они столетиями, и никто не возражает против названия «христианами» последователей Иисуса, например, в 250 г. На мой взгляд, ко времени обращения Павла у иудейских последователей Иисуса уже сложились самые основные характеристики, отличающие их от остальных иудеев. Это вера в то, что смерть Иисуса каким-то образом принесла спасение Божие, что Бог воскресил Иисуса из мертвых и вознес на небеса, где Иисус сидит «одевшую Отца». Подобные взгляды были известны Павлу еще до того, как сам он стал последователем Иисуса, и, на мой взгляд, нет ничего дурного в том, чтобы называть приверженцев этих взглядов христианами (не отрицая, разумеется, что такой человек мог быть в то же время иудеем). Слово «христианин» впервые появляется в Деян. 11:26 и в 1 Пет. 4:16.

Камень преткновения определить несложно. Это главное утверждение христианской веры. Последователи Иисуса называли его Мессией. Проблема, связанная с этим, была очевидна и бросалась в глаза. Как Мессия может быть распят?

Чтобы понять, почему заявления о мессианстве Иисуса вызывали у иудеев такую ярость, нам придется забыть о многих столетиях последующей христианской мысли, о горах христианских богословских рассуждений, о массовом христианском «понимании» того, как Иисус стал исполнением Писаний. Многие христиане в наше время всерьез не могут понять, почему иудеи в древности – а также и позже, вплоть до нашего времени, – не хотят признавать Иисуса Мессией. На традиционный христианский взгляд, здесь все просто и понятно: сами иудейские писания предсказывали, что Мессия родится от девы в Вифлееме, будет великим учителем и целителем, претерпит мучительную смерть за грехи других, а затем воскреснет из мертвых. Все это есть в Библии – в Священном Писании иудеев. Почему же иудеи этого не видят? Что они, читать не умеют?!

Разумеется, не все христиане так думают. Так думают те, кто приучен читать Ветхий Завет определенным образом, видя пророчества о будущем Мессии там, где иудеи никаких мессианских пророчеств не различают.

На всем протяжении истории, когда христиане указывали на пророчества об Иисусе в Ветхом Завете, иудеи отрицали, что в этих отрывках содержатся мессианские пророчества. Христиане, например, утверждают, что пророк Исаия за много веков до распятия предвидел явление Иисуса, когда писал эти строки: «Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас» (Ис. 53:5–6). На это иудейские читатели отвечают: Исаия нигде не говорит, что речь идет о мессианской фигуре. Напротив, он говорит о ком-то, кто уже пострадал, и не называет его Мессией. Более того, немного раньше он ясно объясняет, кто этот «страдающий раб Господень». Это сам Израиль, страдающий за грехи народа (см. Ис. 49:3).

Во времена Павла среди иудеев, ожидавших Мессию, не было и мысли о том, что Мессия будет страдать за грехи других или воскреснет из мертвых. Напротив, ожидания их были совершенно иными.

Из свитков Мертвого моря нам известно, как иудеи того времени представляли себе Мессию и чего от него ждали⁴². Само слово «мессия» буквально означает «помазанный»: изначально оно относилось к царю Израиля, которого во время коронации помазывали маслом, показывая этим, что Бог выбрал его в качестве вождя для народа. В I веке царя у иудеев не было, они находились под властью чужого государства – Рима. Многие иудеи считали такое положение ужасным, нестерпимым – и с нетерпением ждали, когда же Бог воздвигнет иудейского царя, который победит врага и вернет Израилю свободу. Это и будет великий и могучий помазанник Божий – Мессия.

Другие иудеи полагали, что будущий спаситель еврейского народа – не человек, а некая космическая фигура, небесный царь, который явится на облаках небесных судить злые царства мира сего и устанавливать вместо них Царство Божие. Этот космический судья – или кто-то, им назначенный и помазанный, своего рода эмиссар Бога, – и будет управлять этим царством.

Третьи же полагали, что будущим правителем грядущего Царства Божия станет могущественный священник, которого Бог наделит властью правильно толковать закон: он поведет народ Израилев по путям Божиим, прочь от иноземных угнетателей.

Несмотря на эти разногласия, во всех вариантах имелось нечто общее: Мессия – мощная фигура, победитель, который разобьет врагов Израиля, продемонстрирует всему миру силу

⁴² Об иудейских мессианских ожиданиях того времени см: John Collins, *The Scepter and the Star: The Messiahs of the Dead Sea Scrolls and Other Ancient Literature* (New York: Doubleday, 1995).

истинного Бога и дальше будет твердой рукой править народом Божиим в освобожденной земле Обетованной.

А кто такой был Иисус? Распятый преступник. На публике он появился как малозначительный, не слишком известный апокалиптический проповедник из северной сельской глуши. В конце жизни совершил с горсткой своих учеников паломничество в Иерусалим. Но там умудрился поспорить с правосудием – и был без церемоний схвачен, допрошен, подвергнут пытке и казнен мучительной и позорной казнью по уголовным обвинениям. Какой же это Мессия? Это полная ему противоположность!

Есть причины полагать, что при жизни Иисуса некоторые его последователи могли *подозревать* в нем Мессию. Казнь его разбила все надежды: ведь Мессия не может быть казнен! Но дальше некоторые из его сторонников пришли к мысли, что после смерти его произошло великое чудо: Бог воскресил Иисуса и вознес его на небеса. Эта вера подтверждала прежние ожидания: Иисус действительно был избран Богом. Он был помазанником. Мессией⁴³.

Воскресение надежды, казалось бы, полностью разрушенной, заставило ранних последователей Иисуса обратиться за разъяснениями к конечному источнику религиозной истины – иудейским священным писаниям. Там обнаружили пассажи, где говорилось о ком-то – то ли человеку, то ли всем израильскому народу, – страдающем, но оправданном Богом, например, отрывок из Ис. 53, приведенный нами ранее. Последователи Иисуса объявили, что эти отрывки относятся к будущему Мессии. Это предсказания об Иисусе.

Это и стало их «благой вестью». Иисус – в самом деле Мессия, но не такой, какого все ожидали. Воскресив Иисуса из мертвых, Бог показал, что смертью его принес в мир намного более великое спасение, чем то, которого ждали иудеи. Иисус пришел не для того, чтобы спасти народ Божий от иноземного угнетения, – он пришел спасти людей от смерти для жизни вечной. Вот что проповедовали древнейшие христиане.

Для ревностного фарисея Павла это была полная чушь – и даже хуже того: мерзкое и опасное богохульство, хула на Писания и на самого Бога. И распространение этого яда необходимо было остановить.

Мы не знаем точно, как именно Павел пытался остановить христиан; к сожалению для нас, свою антихристианскую деятельность он подробно не описывал. Книга Деяний сообщает, что он разгонял христианские собрания и бросал людей в тюрьму (8:3). Однако это звучит невероятно: ни о каких специальных иудейских тюрьмах мы не знаем, а римские власти едва ли позволили бы иудеям бросать в государственные тюрьмы каких-то своих сектантов.

Через много лет – в отрывке, приведенном нами в начале этой главы, – Павел писал, что уже после своего обращения пять раз получал «по сорока ударов без одного» (2 Кор. 11:24). Это описание наказания, вынесенного в синагоге, которое налагали иудейские лидеры на прихожан, виновных в богохульстве. Их полагалось бичевать сурово, но не до смерти: сорок ударов считались слишком тяжелым наказанием, так что «высшей мерой» были тридцать девять ударов. Если Павел переносил такое наказание, – а у нас нет причин в этом сомневаться, – очевидно, он совершал свои «преступления» в контексте иудейского богослужения. Быть может, до своего обращения он сам налагал такое же наказание на других? Если так, понятны его слова, что он «гнал церковь», и притом «жестоко» (Гал. 1:13).

Именно решительное противостояние Павла христианам делает столь поразительным и драматичным событием его обращение в христианскую веру. Он не просто признал, что, возможно, ошибался, что, быть может, в словах его противников есть доля истины. Обращение, ослепительное в своей силе и несомненности, перевернуло всю его жизнь. Вера, которую он пытался уничтожить, настигла его и перевернула вверх дном все, что думал он до сих пор, –

⁴³ Об этом см. у меня: Bart D. Ehrman, *How Jesus Became God: The Exaltation of a Jewish Preacher from Galilee* (San Francisco: HarperOne, 2014).

не только об иудейской вере и доверии к иудейскому богу, но и о том человеке, которого христиане называли Мессией. Что бы ни вызвало этот переворот, – он изменил не только жизнь самого Павла, но и ход истории человечества.

Обращение Павла

Невозможно точно сказать, что привело к обращению Павла или как именно это произошло. У нас есть рассказ книги Деяний – именно он положил начало популярным представлениям о том, как на дороге в Дамаск Павел был застигнут ослепительным светом, пал на землю и услышал голос Иисуса, вопрошающего: «Савл, Савл, что ты гонишь Меня?» (Деян. 9:1-19). Эту же историю в Деяниях дважды пересказывает сам Павел (22:3-16 и 26:9-18). Исторические проблемы, связанные с этим рассказом, давно уже интригуют и смущают ученых. Прежде всего, в этих трех рассказах мы встречаем множество противоречащих друг другу подробностей. По одной версии, спутники Павла не слышали голос, но видели свет; по другой, слышали голос, но никого не видели. В одной версии все они пали на землю, пораженные богоявлением, в другой остались стоять. В одной версии говорится, что Павел получил повеление идти в Дамаск, где ученики Иисуса скажут ему, что делать дальше; в другой – Иисус приказал ему никуда не идти и дал наставления сам. Очевидно, перед нами не строгие исторические отчеты, а художественные рассказы, события в которых изменены и подрихтованы ради литературных целей.

Вторая проблема в том, что большинство деталей из книги Деяний, как взаимно противоречивых, так и нет, в собственном рассказе Павла об этом событии отсутствуют: он не рассказывает ни о дороге в Дамаск, ни о том, что был ослеплен светом, упал на землю или услышал голос Иисуса. Я уже указывал возможную причину, по которой он в своих посланиях воздерживается от подробностей: его адресаты, несомненно, уже слышали подробный рассказ обо всем этом от него самого. Павел писал письма к хорошо знакомым людям, с которыми не раз уже все это обсуждал: они знали всю эту историю из первых рук – лишь нам остается блуждать в темноте и строить догадки.

Павел видел воскресшего Господа. Это видение полностью перевернуло его мышление, превратив его из жестокого гонителя христианской веры в ее самого страстного и успешного проповедника.

Ближе всего к описанию обращения стоит упоминание в первой главе Послания к Галатам. Упомянув о своей бывшей ревности к иудаизму фарисейского толка и о преследовании христиан, далее Павел пишет:

Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию и опять возвратился в Дамаск (Гал. 1:15–17).

Из этого текста можно сделать вывод, что «откровение» явилось Павлу не по дороге в Дамаск, а в самом Дамаске. Не случайно он говорит, что после путешествия в Аравию – под которой здесь имеются в виду не пустыни Саудовской Аравии, а Nabatean царство – «возвратился» в Дамаск. Рассказ прискорбно краток, однако по крайней мере в одной детали явно противоречит истории из Деян. 9: здесь Павел говорит, что поначалу ни с кем не советовался о своем видении. В Деяниях же он, по указанию Иисуса, первым делом идет поговорить с учеником по имени Анания.

Так что же именно произошло в момент обращения? Все, что говорит сам Павел – «Бог благоволил открыть мне Сына Своего»⁴⁴. Но что это значит? Что Павла внезапно «озарило»,

⁴⁴ Буквально в тексте говорится «открыл во мне»: возможно, это означает, что Павел получил личное откровение в собственном сознании.

и он понял истинное значение Иисуса? Или что он пережил настоящее откровение – явление Христа?

Возможно, это означает и то, и другое. В других местах Павел говорит вполне ясно: ему явился Иисус после воскресения. Прямо говорит он об этом в 1 Кор. 15:8. Как Петр, Иаков, иные апостолы и прочие видели Иисуса, воскресшего из мертвых, – так же видел его и Павел. В 1 Кор. 9:1 он предполагает, что именно поэтому стал апостолом: он видел воскресшего Господа. Значение этого события для Павла было не только в том, что однажды он увидел нечто поразительное. Это видение полностью перевернуло его мышление, превратив его из жестокого гонителя христианской веры в ее самого страстного и успешного проповедника. Это произошло потому, что Павел – сразу ли на месте, или спустя дни, недели или месяцы напряженных размышлений, – понял, что означало его видение. Оно означало, что Бог полностью изменил свое обращение с родом человеческим. И теперь Павел должен рассказать об этом людям.

Разумеется, мы не знаем, что на самом деле видел Павел. И откуда нам это знать? Сам он пламенно уверял, что видел Иисуса, снова живого. Верующие скажут: ему действительно явился Иисус. Неверующие возразят: он это себе вообразил. Так или иначе, кристально ясно одно: он *поверил*, что увидел Иисуса – и это полностью изменило его мышление.

Последствия видения Павла

Легче всего понять последующую миссионерскую деятельность и проповедь Павла, осознав, как явление живого Иисуса подвигло его от «факта» к «последствиям». «Фактом» для Павла стало то, что Иисус снова жив: в этом Павел убедился, увидев его. Отталкиваясь от этого, Павел начал рассуждать. Рассуждение его, скорее всего, было многоступенчатым, но в конце концов привело к примечательному выводу: Павел пришел к мысли, что сам он избран Богом, чтобы исполнить предсказания иудейских писаний. Боговдохновенные пророчества, произнесенные столетия назад, ждали этого дня – ждали Павла и его трудов. Да уж, в излишней скромности Павла обвинить сложно!

По-видимому, именно так работала его мысль⁴⁵. Начал Павел с «факта», что Иисус снова жив. Поскольку Павел уже знал, что Иисус был распят и умер, появление его живым должно было означать, что он воскрес. Бог совершил чудо, воскресив Иисуса из мертвых. Если Бог воскресил Иисуса из мертвых, это должно означать, что Иисус в самом деле обрел в его глазах особое благоволение, что он – избранник Божий. Но, если он обрел у Бога особое благоволение, почему Бог позволил, чтобы его казнили? Может быть, Бог *потребовал* от него пойти на пытки и казнь? Значит, так Бог поступает с теми, к кому благоволит? А что же тогда он делает с врагами?

Для Павла все оказалось еще сложнее: ведь Иисус не просто умер, и даже не просто умер мучительной смертью. Он был распят на деревянном кресте. Для Павла это составляло особую проблему: он ведь прекрасно знал, что само Писание провозглашает проклятие Божие любому, кто умрет на дереве, как сам он пишет в Гал. 3:13, цитируя Втор. 21:23: «Проклят всяк, висящий на древе». Если Иисус благословлен Богом, как мог он одновременно оказаться проклят? И Павел сделал вывод, для него вполне естественный: поскольку Бог благоволил Иисусу, то, значит, Иисус умер не за то, что совершил сам. Он не был проклят за собственные дела. Очевидно, он был проклят за дела других.

Как добрый гражданин античного мира, и в особенности как добрый иудей, Павел прекрасно владел богословием жертвенной смерти. Живые существа, чаще всего четвероногие животные, выбираются в жертву по разным причинам: чтобы почтить Бога, чтобы умили-вить его гнев, чтобы покрыть чьи-то грехи. Их убивают не потому, что сами они совершили нечто, заслуживающее смерти. Итак, Иисус должен быть жертвой, пострадавшей не за собственные преступления, а за преступления других. Почему это было необходимо? Продолжая размышлять, Павел заключил: смерть Иисуса не была ни случайностью, ни грубой несправедливостью. Должно быть, его смерть умилила гнев Божий на других и покрыла их грехи. А если дело в этом, значит, смерть его была частью Божия плана по решению проблемы с человечеством. Люди нуждались в жертве за свои грехи – и Иисус эту жертву принес. А Бог почтил акт жертвоприношения Иисуса, воскресив его из мертвых.

Дальше возникает еще одна важнейшая мысль. Если спасение Божие пришло через смерть и воскресение Иисуса, значит, именно так Бог с самого начала планировал спасти свой избранный народ. А это означает, что спасение не могло прийти никаким иным путем – например, путем тщательного соблюдения предписаний иудейского закона. Если бы можно было достичь спасения благодаря принадлежности к избранному народу или путем соблюдения закона Моисеева, Мессии Божию не было бы никаких причин умирать мучительной

⁴⁵ Я не хочу сказать, что его мыслительный процесс происходил в вакууме. Павел преследовал христиан – и, раз так, несомненно, уже знал, что они считают Иисуса избранником Божиим, воскресшим из мертвых. Ход мысли, который я здесь описываю, скорее призван был объяснить самому Павлу, как это возможно и что же все это означает.

смертью. Выходит, что соблюдение закона для правильных отношений с Богом никакого значения не имеет.

А это, в свою очередь, порождает необычайно важные следствия. Если к тому, как человек предстоит перед Богом, закон не имеет отношения – значит, тем, кто хочет принадлежать к народу Божию и получить спасение, не обязательно быть иудеями. Единственное требование к ним – верить в искупительное жертвоприношение, совершенное Христом. А это, в свою очередь, означает, что весть о спасении предназначена не только для иудеев, – хотя, разумеется, и для них, ибо послана она иудейскому народу через иудейского

Мессию во исполнение планов иудейского Бога, предсказанных, как постепенно начал понимать Павел, в иудейских писаниях. Но послание это – не только для иудеев. Оно для всех: и иудеев, и язычников. И от язычников оно не требует становиться иудеями и соблюдать иудейский закон.

Люди нуждались в жертве за свои грехи – и Иисус эту жертву принес. А Бог почтил акт жертвоприношения Иисуса, воскресив его из мертвых.

Итак, чтобы стать членами избранного народа Божия, язычникам не нужно становиться иудеями. Незачем обрезаться, соблюдать субботу, есть кошерную пищу и исполнять все прочие предписания закона. Нужно только верить в смерть и воскресение Мессии Иисуса. Для Павла это была мысль, буквально выбивающая землю из-под ног. До сих пор все последователи Иисуса – первые христиане – были, разумеется, иудеями, только верящими, что Иисус – Мессия, который умер и воскрес из мертвых. Но они знали, что это деяние совершил над Иисусом иудейский бог ради них, иудеев. Разумеется, язычники тоже могут обрести спасение. Но прежде они должны стать иудеями. Для Павла это было не так. Иудей или язычник – неважно. Важна только вера в Христа.

Едва Павел это понял, новый ослепительный свет вспыхнул перед ним. У пророков в Писании можно найти предсказания о том, что в конце времен Бог введет заблудших овец в стадо народа Божия: благая весть, распространяемая через иудеев, дойдет и до язычников, и они волеются в число избранного народа. Так, пророк Исаия вещал:

И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям, и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима (Ис. 2:2–3).

И вот, во дни Павла это пророчество Исаии сбылось!

Или вспомним слова пророка Захарии:

И будут приходить многие племена и сильные народы, чтобы взыскать Господа Саваофа в Иерусалиме и помолиться лицу Господа. Так говорит Господь Саваоф: будет в те дни, возьмутся десять человек из всех разноязычных народов, возьмутся за полу Иудея и будут говорить: мы пойдем с тобою, ибо мы слышали, что с вами Бог (Зах. 8:22–23).

Бог предсказал, что язычники придут к спасению, которое откроется им в Иерусалиме. Где был убит Иисус? В Иерусалиме. Как передается весть об этом? Иудей – или иудеи – сообщают ее внешним. Вполне возможно, что Павлу приходили на ум и знаменитые слова об особом слуге Божию, произнесенные самим Господом в той же книге Исаии:

Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить Тебя, и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников, чтобы

открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме – из темницы.

Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли (Ис. 42:6–7; 49:6).

Кто же сей, «призванный в правду», чтобы проповедовать спасение Божие и сделаться «светом народов»? Вспомним, как Павел описывает в Гал. 1 свой опыт обращения: Бог «призвал [меня] благодатью Своею», «чтобы я благовествовал Его язычникам» (Гал. 1:15–16). Павел стал тем, кого призвал Бог, чтобы распространять по миру весть о спасении. Призвание Павла на проповедь предсказано в иудейских писаниях. Сам Павел и есть исполнение пророчества. Он – тот, кого избрал Бог, чтобы принести миру спасение проповедью смерти и воскресения Иисуса.

Множество ученых на протяжении многих лет предполагали, что вместо «обращения» Павла было бы правильнее говорить о его «призвании». Логика этого предложения отчасти такова: неверно утверждать, что Павел оставил одну религию, иудаизм, и принял другую – христианство. В наше время среди исследователей Павла эта точка зрения широко распространена. Как пишет недавний биограф Павла Дж. Альберт Харрил: «Итак, Павел не отказался от иудаизма в пользу “христианства” – в том смысле, что не принял какую-то иную веру вместо религии Израилевой»⁴⁶. Иными словами, сам Павел не считал, что меняет религию. Он просто пришел к пониманию, что Христос и стал исполнением иудаизма, всего, что планировал Бог и что открывал он в священных иудейских писаниях. Бог не забыл иудеев, не покинул их веру; Христос не противостоит иудейской вере и не предлагает нечто совершенно новое. Христос – логичное продолжение всего, что было до него. Однако без Христа, по Павлу, иудейская вера неполна и несовершенна. Христос – цель, к которой эта вера долго стремилась и наконец ее достигла. А Павел – его пророк.

Однако, даже придя к выводу, что Павел считал себя «призванным», мы не должны так уж быстро отказываться от термина «обращение» применительно к тому, что он пережил. Верно, в собственных глазах он не перестал быть иудеем; на его взгляд, то, что он проповедовал, иудаизму не противоречило. Но он действительно «обратился», в буквальном смысле этого слова – «повернулся», увидел свою религию совершенно с иной стороны, по-другому понял Христа, отказался от прежнего своего взгляда на Иисуса как на проклятого Богом и начал видеть в нем мессию Божия. Поэтому, возможно, правильнее всего будет называть то, что с ним произошло, сразу и призванием, и обращением.

Однако как ни называй эту перемену – перемена была разительная, тем более ошеломляющая, что сам Павел ясно ее сознавал. Бог призвал Павла нести благую весть язычникам. Для Павла это была не просто новая и интересная жизненная задача. Это был конечный этап великого плана Божия для человечества. Миссию Павла предсказали древние пророки, говорившие о грядущем явлении Царства Божия. Именно Павлу предстояло привести историю к ее давно предсказанной вершине.

⁴⁶ Harrill, *Paul the Apostle*, 26.

Миссионерская стратегия Павла

Общее убеждение, что Павел совершил «три миссионерских путешествия», восходит к сообщениям книги Деяний. Последние две трети книги (главы 13–28) посвящены в основном именно этим путешествиям, а также арестам Павла и судам над ним в ходе миссионерства. В своих собственных Писаниях Павел не упоминает о числе своих путешествий, однако в одном случае рассказывает о своей миссионерской стратегии. Этот рассказ мы встречаем, быть может, в последнем по времени из дошедших до нас его писем – ив единственном письме к церкви, которую, по собственному признанию, не сам Павел основал – в Послании к Римлянам: «Благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестностей до Иллирика» (Рим. 15:19).

Здесь Павел набрасывает географические очертания своей миссионерской деятельности: от столицы Иудеи до северо-востока Балканского полуострова. Впрочем, нигде в своих письмах Павел не упоминает о том, что долго жил в Иерусалиме и кого-то там обращал, – напротив, ясно дает понять, что считает себя миссионером язычников, а проповедь среди иудеев оставляет ученикам, Петру и другим (Гал. 2:7–9). О его миссии в Иллирике у нас также нет никаких данных. Но есть ясные и четкие свидетельства о том, что он основывал церкви в регионах между этими двумя крайними точками⁴⁷.

Стоит подчеркнуть, что, насколько нам известно, Павел проповедовал только в больших городах⁴⁸. Понятно почему: Павел стремился охватить большие массы людей. В отличие от Иисуса, проповедовавшего в селах, деревнях, отдаленных регионах сельской Галилеи, Павел сосредоточился на крупных городах с большой плотностью населения. В своих посланиях он упоминает христианские общины в таких городах, как Коринф, Филиппы, Фессалоники, Колоссы, Лаодикия, Эфес, а также в Галатской области.

Среди прочего, это означает, что он много путешествовал. Один ученый обратил внимание на то, что только путешествия Павла, описанные в книге Деяний, покрывают около десяти тысяч миль⁴⁹. Это вполне возможно. Римская империя была покрыта густой и разветвленной сетью дорог: они поддерживались в хорошем состоянии, а во внутренних пределах империи в то время царил ничем не нарушаемый мир. Корабли в древности проплывали до сотни миль в день, обычные путешественники, идущие пешком, проходили в день миль пятнадцать-двадцать. В целом дальние путешествия в Римской империи были легче и популярнее, чем когда-либо раньше – да и в последующие века, вплоть до индустриальной революции.

Конкретные причины путешествий Павла вычленить достаточно трудно, но общий принцип очевиден. Один или, чаще, с несколькими спутниками-христианами он приходил в новый город, обращал нескольких его жителей в свою веру, создавал там богослужебную общину, наставлял новых членов Церкви основам веры. Когда видел, что церковь уже может выживать и процветать самостоятельно – шел в следующий город. Таким образом, одну за другой основывал он церкви в крупных городах – в основном в столицах римских провинций и колоний, – обращая язычников в веру в бога иудеев и сына его Христа, который умер за грехи мира и воскрес из мертвых.

Очевидно, сам Павел ясно понимал, что «насаждает» церкви, – как писал об этом в Первом послании к Коринфянам (1 Кор. 3:6). Насажденная церковь начинала расти, принимая в себя новых членов. Продолжая свои странствия, Павел не прекращал участвовать в общин-

⁴⁷ Могут называть особенно полезное исследование по миссии Павла: Terence L. Donaldson, “‘The Field God Has Assigned’: Geography and Mission in Paul,” in *Religious Rivalries in the Early Roman Empire and the Rise of Christianity*, ed. Leif E. Vaage (Waterloo, ON: Wilfrid Laurier University Press, 2006), 109-37.

⁴⁸ Подробнее об этом см. у Meeks, *The First Urban Christians*.

⁴⁹ Ronald F. Hock, *The Social Context of Paul's Ministry: Tentmaking and Apostleship* (Philadelphia: Fortress, 1980), 27.

ной жизни церквей, оставшихся позади. Это видно из самих посланий: в них Павел разрешает проблемы, возникающие в различных церквях, связанные с вопросами о том, во что верить и как себя вести. Но сам он не задерживался подолгу на одном месте. Свою задачу он видел в том, чтобы нести по миру евангельское благовестие. Как пишет он сам: «Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слышали? как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы? Как написано: как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!» (Рим. 10:13–15). Он был проповедником – и нес слово веры.

Конечная цель его миссии состояла, по его собственным словам, в том, чтобы уверовало «полное число язычников» (Рим. 11:25). Павел считал себя за это ответственным. Мы не знаем, как рассчитывал он достичь этой цели, учитывая, что быть во многих местах сразу никак не мог. Возможно, он рассчитывал обойти область за областью, проповедуя не в каждом городе, а лишь в крупных центрах, чтобы затем созданные им церкви не только росли, но и оплодотворяли почву вокруг себя, чтобы от них отпочковывались и росли новые церкви. При успешном развитии церквей рано или поздно вся область (и все области, в которых побывал Павел) наполнилась бы верующими в Иисуса.

В Послании к Римлянам, написанном из греческого города Коринфа, Павел отмечал, что больше «не имеет такого места [для работы] в сих странах» (Рим. 15:23). Очевидно, он имел в виду все восточное Средиземноморье, поскольку дальше пишет, что хочет использовать Рим как перевалочный пункт в путешествии для проповеди в Испанию. По-видимому, Рим представлялся ему базой для работы по евангелизации западной части империи. Испания была крайней западной точкой, куда мог добраться Павел. Некоторые ученые вполне обоснованно полагают, что это и была его конечная цель. Вспомним: Исаия предсказывал, что благая весть о спасении Божиим распространится «до концов земли» (Ис. 49:6; Павел цитирует этот отрывок в Деян. 13:47). Можно ли назвать «концом земли» Испанию? Очень вероятно, что Павел так и думал: проповедуя Христа там, он окажется близок к своей цели – «полное число язычников» придет к вере, и «весь Израиль спасется» (Рим. 11:25–26). Если так – перспектива была головокружительная. Говоря словами одного из современных исследователей, Павел сам стал «центральной фигурой в истории спасения»⁵⁰.

⁵⁰ Johannes Munck, *Paul and the Salvation of Mankind* (London: SCM Press, 1959), 49.

Modus operandi Павла

Трудно с уверенностью судить о том, как именно Павел вел свою миссию. Он приезжал в города, где, насколько мы можем судить, никогда до тех пор не был, и там пытался обратить в свою веру незнакомых людей. Как видно, это ему очень неплохо удавалось. Но как он действовал?

Не следует воображать себе Павла «палаточным проповедником» вроде странствующих американских евангелистов XIX–XX веков. Ни в его посланиях, ни даже в Деяниях мы не встречаем никаких намеков на что-либо похожее. Публичные выступления Павла в Деяниях почти всегда вызваны каким-либо случайным и непредсказуемым событием, например – чудесным исцелением. Павел не организует их заранее.

Теоретически возможно, что Павел импровизировал: просто появлялся в публичном пространстве, так сказать, как чертик из табакерки, и начинал проповедовать, собирая вокруг себя толпу. Но это тоже кажется маловероятным: ни Деяния, ни сам Павел ни о чем подобном не рассказывают, да и процент успеха в этом случае был бы гораздо ниже.

Более вероятным кажется предположение, что Павел посещал синагогу во время субботней службы и там, как гость в городе, использовал возможность провозгласить благовест о Мессии Иисусе. Согласно этому сценарию, обратив несколько человек, Павел затем мог использовать синагогу как своего рода базу в городе, откуда уже так или иначе добирался и до местных язычников.

Такая стратегия выглядит очень разумно. Новичку в городе естественнее всего в первую очередь идти туда, где он сможет завязать знакомства с людьми со схожим жизненным укладом. И для только что прибывшего иудея нет лучше места, чем местная синагога. Более того: как мы уже читали в начале этой главы, в синагогах Павла наказывали – пять раз жестоко бичевали кнутом. Ему был хорошо знаком враждебный прием со стороны иудеев – по-видимому, именно в тех городах, которые он стремился евангелизировать.

С другой стороны, нельзя забывать, что Павел видит себя миссионером именно язычников, а не иудеев. Кроме того, не так-то легко использовать как базу для своей деятельности синагогу, если все там – в том числе и те, кто обладает в синагоге властью и кнутом, – терпеть тебя не могут и только и мечтают избить до полусмерти. И потом, хотя принято считать иначе, на самом деле у нас мало свидетельств того, что общины, к которым обращался Павел, были смешанными, – включали в себя и иудеев, и язычников. Когда он говорит о прошлой религиозной жизни своих новообращенных, всегда имеет в виду поклонение языческим богам. Вот он напоминает коринфянам: «Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам» (1 Кор. 12:2). И фессалоникийцам он напоминает о том, что они «обратились к Богу от идолов» (1 Фес. 1:9). Все содержание Послания к Галатам связано с тем, что читатели его – христиане из язычников, которых некие лжеучителя призывают выполнять иудейские практики. Все эти церкви полны новообращенных из язычников. Где же Павел с ними встречался?

Современная наука остановилась на ответе, вполне разумном и хорошо сочетающемся со словами самого Павла⁵¹. В Послании к Фессалоникийцам Павел вспоминает, как проповедовал, одновременно занимаясь ручным трудом: «Ибо вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедовали у вас благовестие Божие» (1 Фес. 2:9). «Изнурение» здесь, очевидно, не от проповеди, а от того, что Павел сам зарабатывал себе на жизнь, не желая жить за чужой счет. Ради этого он трудился день и ночь. В Послании к Коринфянам Павел также подчеркивает, что он и его спутники-миссио-

⁵¹ См. особенно: Hock, *The Social Context of Paul's Ministry*; Meeks, *The First Urban Christians*.

неры «трудятся, работая своими руками» (1 Кор. 4:12). И далее напоминает им, что он и его спутник Варнава «не имеют власти не работать» (1 Кор. 9:6).

В древности, как правило, решения, касающиеся религии, за всю семью принимал ее глава – старший мужчина в доме. Обратите старшего в доме – и вы обратите всю семью.

Итак, вопрос в том, как же нам представлять себе соотношение между ежедневной работой Павла и его миссионерской деятельностью? Исследователь Нового Завета Рональд Хок предлагает самую убедительную версию: Павел проповедовал во время работы⁵².

Эту версию подтверждает книга Деяний, рассказывающая нам, что по профессии Павел был «делателем палаток» (Деян. 18:3). Некоторые ученые считают, что употребленное здесь слово следует понимать шире, в значении «скорняк». (Палатки и шатры делались из шкур животных; очевидно, из них можно было делать и много других вещей.) Полной уверенности в том, чем именно занимался Павел, у нас нет. Но несомненно, что он был мастером-ремесленником. Если так, становится понятнее, как он путешествовал из города в город, основывая церкви. Скорняк – профессия мобильная. Ножи, шила и прочие инструменты ему легко носить с собой. Придя в новый город, первым делом Павел находил товарищей по ремеслу. Как правило, ремесленники одной специальности жили вместе в определенной части города, создавая ремесленные кварталы. Павел выбирал подходящее место, снимал себе мастерскую и квартиру (возможно, квартиру над мастерской – такие многоэтажные здания, так называемые *insulae*, были распространены в больших городах) – и открывал свое дело.

В такой или подобной обстановке он и проповедовал фессалоникийцам «ночью и днем». Люди приходили к нему в мастерскую по делу, а он заговаривал с ними о религии. В то время дела велись куда непринужденнее, чем сейчас, ремесленники могли долго болтать с клиентами на посторонние темы. Павел, по его собственным словам, проводил за работой почти круглые сутки. Разумеется, вряд ли ему удавалось обратить кого-то прямо на месте, в первую же встречу. Он призывал язычников отказаться от религиозных традиций и культовых практик, которых они придерживались всю свою жизнь. Такое требовало времени. Но Павел никуда не торопился. Он работал – трудился от рассвета до заката – и за работой проповедовал Евангелие.

Можно предположить, что он не столь часто добивался успеха. Впрочем, будь даже его проповедь весьма успешной, вряд ли это на что-то повлияло бы. Прежде всего, в древности, как правило, решения, касающиеся религии, за всю семью принимал ее глава – старший мужчина в доме. Обратите старшего в доме – и вы обратите всю семью. Современные христиане сказали бы, возможно, что жену и детей новообращенного считать новообращенными не стоит – ведь это был не их собственный выбор. Но даже если так, глава семьи вводил в дом новые религиозные традиции и новые формы богопочитания, и все остальные их принимали. Во многих случаях, даже в большинстве случаев, спустя несколько месяцев или лет все домочадцы становились искренними приверженцами новой религии. Так один новообращенный обращивался множеством.

Еще один фактор, который стоит принять во внимание: высокая плотность населения античных городов. В современном городе Антакья на юго-востоке Турции проживает чуть больше двухсот тысяч человек – и, по большинству современных стандартов, он весьма густо населен. Во времена Павла этот город назывался Антиохией и народу в нем было вдвое больше. Однако его можно было обойти кругом за полдня. Средняя плотность населения в римских городах составляла около двухсот человек на квадратный акр; в современности такая плотность наблюдается лишь в особо густонаселенных кварталах. Свободного места было мало,

⁵² Hock, *The Social Context of Paul's Ministry*.

возможности уединиться – еще меньше. С огромной скоростью разлетались новости, сплетни и слухи⁵³.

Если кто-то здесь принимал совершенно новую религиозную традицию – и оставлял те традиции, которым более или менее привычно следовали все остальные, – любое подобное обращение, несомненно, вызывало любопытство, живой интерес и бурное обсуждение. Скорее всего, многим становилось любопытно, что это за новая вера. И люди, один за другим, шли в мастерскую к Павлу. Невозможно вообразить, что все они уходили оттуда обращенными, но кто-то обращался. Новообращенные главы семей обращали и своих домочадцев. Так возникала Церковь – и начинала расти.

Со временем Павел с удовлетворением видел, что «посевной сезон» окончен; пора отправляться в следующий город и начинать все сначала. И так продолжалось год за годом, – может быть, около тридцати лет. Сколько всего церквей основал Павел, мы не узнаем никогда. В своих посланиях он прямо связывает себя с дюжиной церквей; всего, должно быть, их было значительно больше.

Остается еще вопрос: что же такое говорил Павел своим слушателям? Что оказывалось для них таким убедительным? Как мы увидим в следующей главе, слушатели его были язычниками: они поклонялись множеству божеств и почитали их согласно местным обычаям и традициям, передававшимся из поколения в поколение, без сомнений и без критики. В любом крупном городе было множество храмов языческих богов, а в каждом храме идола – статуи богов, – воплощавшие в себе физическое присутствие самого божества. Снаружи храма находился алтарь, на котором верующие время от времени приносили богу жертвы – или, скорее, смотрели, как приносит их кто-то другой. Люди могли посещать любые храмы и поклоняться любым богам, каким хотели. Могли поклоняться и только своим семейным богам, а также участвовать в поклонении императору и другим богам, пропагандируемым государством. В любом городе в любой момент времени имелся целый набор богатых, разнообразных, сложно соотносящихся друг с другом культовых традиций. Павел стремился обратить своих слушателей из последователей этих языческих традиций – в верующих в Иисуса. Что же он им говорил – и как ему удавалось кого-то убеждать?

⁵³ Примеры взяты из: Meeks, *The First Urban Christians*, 28; Ramsay MacMullen, *Roman Social Relations: 50 B. C. to A. D. 284* (New Haven CT: Yale University Press, 1974), 63.

О чем говорил Павел

В дошедших до нас посланиях Павел нигде не пересказывает то, с чего начинал разговор с потенциальными новообращенными. Очевидно, для этого не было причин: писал он совсем о другом – и писал людям, уже обращенным, которые прекрасно знали, что говорил он при первых встречах, ибо сами это от него и слышали. Однако временами он делает отсылки к своей проповеди; и, как ни скудны эти отсылки, они позволяют нам бросить взгляд на проповедь Павла и на его риторические стратегии. Первую такую отсылку мы находим в самом раннем из сохранившихся писем Павла – в Первом послании к Фессалоникийцам.

Тепло вспоминая время, проведенное с христианами в Фессалониках (на севере Греции), Павел упоминает и о том, как они, бывшие язычники, присоединились к нему в христианской вере, «обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева» (1 Фес. 1:9-10). Замечание сжатое, но говорит о многом.

Обратиться в христианскую веру через благовестие Павла было одновременно и сложнее, и проще, чем обратиться в иудаизм. Сложнее, ибо требовалось поверить не только в то, что один лишь иудейский бог заслуживает поклонения, но и в то, что Иисус – его сын, воскрешенный им из мертвых ради нашего спасения. Даже в самой краткой своей форме такое обращение состояло не из одного, а из двух шагов – веры в Бога и в Иисуса. В то же время эти два шага были в определенном смысле проще обращения в иудаизм: от обращенного не ожидалось, что он присоединится к иудейскому народу, начнет соблюдать иудейские обычаи и исполнять иудейский закон, самые примечательные установления которого – обрезание, соблюдение субботы, празднование иудейских праздников и потребление только кошерной пищи.

Бог воскресил Иисуса из мертвых. В этом – сердце и душа проповеди Павла.

Первым и, без сомнения, самым трудным шагом при обращении язычников в христианство было убедить их отвернуться от богов, которым они поклонялись с раннего детства – богов, которым поклонялись не только их родные, но и друзья, соседи, сограждане и вообще весь окружающий мир, за исключением иудеев. Несомненно, это был очень серьезный шаг. Нужно было отказаться от праздников, процессий, жертвоприношений, молитв, верований и практик, присущих всем известным до сих пор традиционным религиям. Как же удавалось Павлу убедить своих слушателей решиться на это?

Как именно он это делал, он описывает в воспоминании из 1 Фес. Он убеждал язычников, что их идолы – статуи богов – «мертвы» и вместо них следует поклоняться «живому» богу. Для Павла Бог иудеев был единственным живым богом, активно действующим в мире. Прочие мертвы и бесполезны, они пассивны и ничего не могут сделать. По-видимому, проповедуя об этом язычникам, Павел воспроизводил стандартные риторические нападки иудеев на языческих богов, используемые в течение столетий. Один из древнейших примеров таких нападок, хорошо передающий и их риторическую стратегию, и силу, содержится в еврейской Библии, в отрывке, который Павел, ревностно изучавший иудаизм, должен был знать наизусть. Он находится в книге Исаии, там, где пророк высмеивает языческих богов. Он указывает, что человек, превращающий в бога статую, идол, сделанный из дерева или железа, не сознает, что перед ним все то же дерево или железо. У идола нет власти. Он ничего не может совершить. Он создан человеком по человеческому замыслу. Пророк с насмешкой говорит о том, что из одного и того же дерева резчик вырезает богов – и использует его для самых низменных целей:

И это служит человеку топливом, и часть из этого употребляет он на то, чтобы ему было тепло, и разводит огонь, и печет хлеб. И из того же делает

бога, и поклоняется ему, делает идола, и повергается перед ним. Часть дерева сожигает в огне, другую частью варит мясо в пищу, жарит жаркое и ест досыта, а также греется и говорит: «хорошо, я согрелся; почувствовал огонь». А из остатков от того делает бога, идола своего, поклоняется ему, повергается перед ним и молится ему, и говорит: «спаси меня, ибо ты бог мой»... Он гоняется за пылью; обманутое сердце ввело его в заблуждение, и он не может освободить души своей и сказать: «не обман ли в правой руке моей?» (Ис. 44:15–17, 20).

Такого рода полемика для большинства иудеев звучала как очевидные доводы здравого смысла. Впрочем, надо признать, что многие язычники считали ее смехотворной или не имеющей отношения к делу – по следующей простой причине. Язычники – по крайней мере, думающие язычники – не считали статуи, которым поклонялись, богами. Они видели в них репрезентации богов, так сказать, визуальные символы, помогающие сосредоточить внимание на реальности бога. Или же – более сложный и утонченный вариант – в статуе они видели точку фокусирования божественной энергии, место, в котором бог может проявить свою силу. Но сама статуя вовсе не была богом. Это был лишь образ бога или место его возможного явления.

С другой стороны, многие язычники не достигали такого уровня абстракции и могли принимать мнение, служившее мишенью для иудейских полемистов – считать идолов настоящими богами. Такие люди, несомненно, были восприимчивы к критике со стороны Исаии, последующих иудейских полемистов или людей вроде Павла, стремящихся убедить их, что их боги безжизненны, беспомощны, бездейственны, – короче говоря, мертвы.

Почти несомненно, что Павел проповедовал именно эту мысль, в том или ином варианте. Мертвым идолам он противопоставлял славу живого Бога, создавшего небо и землю; в Исходе спасшего свой народ, Израиль, от рабства египетского; совершавшего чудеса через своих пророков, – и совершающего их до сего дня. Но еще Павлу требовалось убедить своих слушателей поверить в Христа. Он рассказывал не только о живом Боге, но и о живом Иисусе.

В сущности, разговор о живом Иисусе мог становиться для Павла «мостиком» к разговору о живом Боге. Бог живой – это значит, что он активно действует не только на небесах, но и на земле. Живой Бог – это Бог, участвующий в делах мира сего. Бог, действующий таким образом, что простым смертным его действия кажутся чудом. Павел проповедовал чудеса Божии как проявления его власти, видимой всем верующим. В особенности – как пишет он сам в Послании к Фессалоникийцам – сосредоточивался он на одном чуде. Он проповедовал, что Бог воскресил Иисуса из мертвых.

Такая проповедь Павла к новообращенным начиналась с исторического факта: Иисус, иудейский пророк, был распят римлянами. В этом ничего невероятного не было. Римляне постоянно кого-то распинали. Однако дальше произошло нечто из ряда вон. Бог воскресил Иисуса из мертвых. В этом – сердце и душа проповеди Павла. Об этом он говорил с огромной убежденностью, заражая своей беззаветной верой и новообращенных. Павел знал, что Бог воскресил Иисуса из мертвых, поскольку сам после этого видел Иисуса живым.

В этом Павел мог поклясться – и клялся. Более того: он был умным, образованным, здравомыслящим человеком. Можно предположить, что со своими собеседниками он был вполне честен и искренен. Он говорил с ними прямо, откровенно, заражая их своими чувствами. И этот человек своими глазами видел распятого Иисуса живым! Должно быть, для его собеседников – по крайней мере, для некоторых – это звучало вполне убедительно.

Потенциальные новообращенные Павла, возможно, спрашивали, почему же Бог позволил своему сыну умереть, да еще и на кресте – самой мучительной, страшной, пугающей смертью в римской античности. Поэтому следующим шагом Павел объяснял, что означала смерть Иисуса. О том, как Павел объяснял смерть Иисуса, мы знаем из другого его воспоминания о своем миссионерском служении, в другом письме, на этот раз не к фессалоникийцам, а к церкви в Коринфе, в южной части восточного берега Греции. Первое послание Павла к Корин-

фянам намного длиннее и сложнее Послания к Фессалоникийцам. В нем говорится о множестве проблем, с которыми сталкивалась коринфская церковь. Ближе к концу письма Павел вспоминает о том, что проповедовал коринфянам при первых встречах с ними (а они тоже были язычниками). По словам Павла, он передавал им послание, которое «принял» сам:

Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати... а после всех явился и мне, как некоему извергу (1 Кор. 15:3–5, 8).

В этом, как пишет сам Павел, состояло ядро его миссионерского послания. Смерть Христа – не трагический несчастный случай, не пример людской несправедливости: с самого начала она входила в Божий план спасения, изложенный в иудейских писаниях. Иисус умер «за наши грехи». Говоря об этом, Павел подчеркивал, что никаких сомнений в смерти Иисуса быть не может: он не только умер, но и был погребен. Но Иисус не остался мертвым. Бог воскресил его из мертвых – снова во исполнение писаний. И в этом тоже не может быть сомнений: ведь после этого он несколько раз являлся ученикам. Последним из всех он явился Павлу. Павел его видел. Он действительно воскрес. Если он воскрес – значит, его воскресил Бог. Если Бог воскресил Иисуса – значит, смерть его входила в божественный замысел. Бог запланировал эту смерть, Бог желал ее, ибо эта смерть стала жертвой за грехи других. Именно смерть и воскресение Иисуса вводят человека в правильные отношения с единым и единственным Богом, Богом живым, творящим чудеса в созданном им мире.

Но и на этом послание Павла не заканчивалось. Из отрывка в Первом послании к Фессалоникийцам мы видим, что Павел напоминает фессалоникийцам не только о событиях прошлого, – о том, как они отвратились от мертвых идолов и пришли к живому Богу, – но и о том, что должно произойти в будущем. Они обратились к Богу и ныне ожидают «с небес Сына Его... Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева» (1 Фес. 1:10).

Второе пришествие Иисуса – вот абсолютный центр Павловой проповеди. Это не позднейшее добавление к основному сюжету – скорее уж, естественное завершение рассказа о том, как Иисус воскрес из мертвых. Если он воскрес, где он сейчас? Почему его больше нигде не видно? Павел отвечал: Иисуса больше нет среди нас, поскольку после воскресения он был взят на небеса и занял там великое и славное положение. Но не будет оставаться там вечно. Спасение Божие – это не просто спасение нескольких душ здесь или там, это нечто намного более масштабное. План Божий состоит в том, чтобы искупить весь мир.

Очень важно помнить, что еще до своего обращения Павел был ярким апокалиптиком. Став последователем Иисуса, он не оставил своего апокалиптического мышления; его апокалиптизм естественно влился в новую веру и создал для нее особый контекст. Миром правят силы зла – вот почему в нем столько боли и несчастья. Но Бог – истинный властитель этого мира – вот-вот восстановит над ним свою власть. Скоро он победит силы зла – и всех, кто встал на их сторону, – произведет над ними суд, а затем установит на земле свое благое царство. Этой грядущей утопии будут предшествовать страшные катастрофы и разрушения. Гнев Божий вот-вот разразится. Бог отправит на землю судию вселенной, чтобы уничтожить своих врагов и установить свое царство. И этим судьей вселенной, по Павлу, станет Иисус. Тот самый Иисус, которого фессалоникийцы «ждут с небес», поскольку он должен «избавить их от грядущего гнева».

Итак, в основе своей Павел проповедовал иудейский апокалиптизм, однако с серьезными изменениями, внесенными христианством. Бог спасает мир сей. Смертью Иисуса он разрушил власть греха; воскресением его уничтожил власть смерти; возвращением Иисуса – победит и власть зла. Все идет по плану. И Павел твердо в этом уверен, ибо своими глазами видел

Иисуса, воскресшего из мертвых. Знал он и о том, что скоро Иисусу надлежит вернуться. И в следующий раз он придет в силе и славе.

Как Павел убеждал своих слушателей

Нетрудно согласиться с тем, что, учитывая уверенность Павла и твердую веру в то, что он своими глазами видел воскресшего Иисуса, таким рассказом он мог обратить хотя бы некоторых язычников. Но не было ли в его проповеди чего-то еще – чего-то особенно убедительного? Здесь нам придется положиться на скудные, но интригующие намеки, рассыпанные по посланиям Павла, несомненно, находившие отклик в сердцах его слушателей, хорошо понимавших, о чем речь – в отличие от нас, живущих две тысячи лет спустя: нам об их значении остается только догадываться. В одной из следующих глав мы расскажем, что христианские источники первых четырех столетий постоянно указывают на один-единственный фактор, убеждавший людей обращаться в новую веру. Люди видели чудеса – или, чаще, слышали о чудесах, подтверждающих правоту христиан. И чудеса вели их к вере.

Хотелось бы сразу уточнить: я не утверждаю, что христианские миссионеры в самом деле совершали те чудесные деяния, что приписывают им источники – исцеляли больных, разговаривали с бесами и изгоняли их, воскрешали мертвых, одним своим словом сравнивали с землей священные языческие алтари, заставляли собак говорить человеческим голосом или возвращали к жизни копченую рыбу. (Все эти чудеса мы увидим чуть позже.) Учитывая сущность исторической науки и набор инструментов, находящихся в распоряжении историка, на мой взгляд, невозможно утверждать даже, что что-либо подобное «вероятно» или «невероятно». Верующие могут в это верить, неверующие – не верить, но историки не вправе становиться судьями в их споре (даже если богословы их об этом просят). Историки могут – напрямик, ясно и с чистой совестью – утверждать лишь одно: на протяжении всей истории человечества люди *думали*, что чудеса случаются. И чаще всего думали так не потому, что сами видели чудеса, а лишь потому, что о них слышали.

Люди, обращенные Павлом, тоже слышали о чудесах. Из его слов можно заключить даже, что они видели, как он сам творил чудеса – или думали, что видели, что для наших целей одно и то же. Упоминания об этом, мягко говоря, скудны и уклончивы – однако, по всей видимости, указывают именно в этом направлении. В Послании к Римлянам, говоря о том, что проповедовал благую весть по всему восточному Средиземноморью, от Иерусалима до Иллирика, Павел отмечает, что обращал язычников не только «словом», но и «делом, силою знамений и чудес, силою Духа Божия» (Рим. 15:18–19). Что же такое «знамения, чудеса и сила Духа Божия», если не то, что привыкли называть чудесами и мы?

В Первом послании к Коринфянам Павел также говорит о том, что его ораторский дар довольно скромнен, но слова его подкреплялись некими удивительными явлениями: «И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете. И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы...» (1 Кор. 2:3–4). Снова появляются «дух» и «сила» как дополнение к его проповеди. Во Втором послании к Коринфянам, напоминая слушателям о своем апостольском служении среди них, Павел высказывается еще яснее: «Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знамениями, чудесами и силами» (2 Кор. 12:12). Что же именно делал Павел перед людьми? Об этом у нас достоверных сведений нет, а гадать вряд ли стоит. Так или иначе, это было нечто необычайное, поражающее воображение – и, по всей видимости, достаточно убедительное. Ведь мы знаем, что из раза в раз, в одном городе за другим, Павел обращал людей в свою веру и основывал церкви.

Павел: итоги

Я слишком хорошо сознаю, какие проблемы связаны с гиперболизацией, однако стою на своем: Павел был не просто самым значительным новообращенным в первые годы христианства, или в первом христианском столетии, или в истории Древней Церкви. Он был самым значительным христианским новообращенным всех времен и народов. Можно сказать, что без Павла не было бы истории христианства, какой мы ее знаем.

Не Павел стал основателем христианства. Христиане были уже и до него. Иначе ему было бы некого преследовать. Более того, что бы ни говорили некоторые наши современники, вовсе не Павел изобрел мысль, что смерть и воскресение Иисуса принесли спасение. Об этом древнейшие христиане говорили и до того, как Павел впервые о них услышал. Нет, значение Павла в том, что он поверил – внезапно, как об этом рассказывает Новый Завет, или же в течение какого-то времени, как подсказывает нам логика, – что спасение, принесенное смертью и воскресением Иисуса, не связано с иудейской идентичностью; что спасение Христово действительно не только для иудеев, но и для язычников; что язычники, уверовавшие во Христа, не обязаны вначале обращаться в иудаизм и следовать иудейским законам и обычаям. Спасение пришло к иудеям, но далее должно прийти и к язычникам. Бог спасает весь мир. Язычники могут остаться язычниками, а иудеи, по всей видимости, иудеями.

Миссия Павла в том, чтобы привести план спасения Божия к завершению. Едва Павел достигнет «концов земли», язычники услышат слово Божие и история придет к своему завершению.

Более того: Павел уверовал, что Бог призвал его – именно его – проповедовать эту «благую весть» всему миру. Пророки древности предсказывали, что явится некто и принесет свет народам, просвещение язычникам. Они говорили о Павле. У него есть послание и миссия – и миссия его не ограничена тем, чтобы иногда болтать с покупателями за работой в своей мастерской. Да, и это тоже; но его задача намного объемнее. Он должен исполнить обетования, данные Богом через пророков столетия назад. Миссия Павла в том, чтобы привести план спасения Божия к завершению. Едва Павел достигнет «концов земли», язычники услышат слово Божие и история придет к своему завершению. Иисус сойдет с небес, силы зла будут побеждены и наступит утопическое Царство Божие. Так видел Павел свою миссию – миссию вселенских масштабов.

Конец света, разумеется, не наступил. Но христианская проповедь бурно распространялась и после Павла. В иудейских кругах, судя по всему, ее принимали прохладно. Почти все ранние христиане, которых мы знаем, – в том числе и известные нам из Нового Завета, адресаты древнейших писаний, – выходцы из язычества⁵⁴. По причинам, уже изложенным мною в этой главе, большинство иудеев просто не могли принять утверждение, что Иисус, бродячий проповедник, выходец из низов, казненный на кресте за государственные преступления, был Мессией Божиим. Язычники оказались более восприимчивы к этой вести – не только в дни Павла, но и десятилетия, и столетия спустя.

Далее мы расскажем о том, как проповедовалась эта весть после Павла и почему она имела такой успех. Но перед этим нам стоит лучше разобраться в том, от чего же отказывались новообращенные из язычников. Нам стоит подробнее поговорить о мире римского язычества – мире, из которого, по большей части, приходили христиане и которому они противостояли.

⁵⁴ См. с. 103–104 нашей книги.

Глава третья

Религиозный мир обращения: римское язычество

Самые первые христиане были иудеями. Согласно Новому Завету, первыми поверили в воскресение Иисуса одиннадцать его учеников (Иуда Искариот уже сошел со сцены) и несколько учениц, в том числе Мария Магдалина (см. Мф. 29; Лк. 21; Ин. 21). Все они были из сельской Галилеи, северной области Израиля. Одно из Евангелий, от Матфея, указывает, что ученики пришли к вере (хотя некоторые и «усомнились») через некоторое время после казни Иисуса, вернувшись в Галилею (Мф. 28:16–17). Звучит вполне разумно: вместе с Иисусом они отправились на праздник Пасхи в Иерусалим, но там все пошло не так: Иисуса арестовали, судили и распяли как государственного преступника. Маловероятно, что остальные остались в городе – ждать, пока придут и за ними. Они вернулись домой – и, видимо, в спешке.

Придя к вере, эти последователи Иисуса, по-видимому, начали рассказывать другим в Галилее о том, что Иисус воскрес, – и люди верили им и обращались. Со временем, когда опасность миновала, некоторые ученики, хотя и не все, вернулись в Иерусалим. Почему, мы точно не знаем. Быть может, уже ожидали, что Иисус туда вернется? Каковы бы ни были причины – в книге Деяний (Деян. 1) мы находим их в Иерусалиме, и на Иерусалим как на место их пребывания указывает Павел (Гал. 1). По-видимому, этот город стал базой для деятельности христиан, а лидерами небольшой, но быстро растущей общины сделались ученик Иисуса Петр, а затем брат Иисуса Иаков. Община состояла из столичных жителей, то есть исключительно из иудеев. Павел отмечает, что первые верующие, во главе с Петром, видели свою миссию именно в обращении иудеев (Гал. 2:7–8). Это тоже звучит очень правдоподобно.

Таким образом, принято считать, что первая христианская община находилась в столице Иудеи. Позднейшие источники об этой группе сообщают немного – лишь имена руководителей и несколько разрозненных легенд, с ними связанных. Правда в том, что по причинам, рассмотренным нами в предыдущей главе, миссия среди иудеев не имела особого успеха. В источниках первых четырех веков мы время от времени читаем о группах христиан из иудеев то здесь, то там – в Трансиордании, в Египте, – но они никогда не играли большой роли в жизни церкви в целом. Почти всегда они находились на периферии.

Иудеохристиане, по-видимому, отошли на периферию во второй половине I века. Мы уже видели, что Павел активно создавал общины верующих на языческой почве; другие столь же успешные проповедники в I веке нам неизвестны⁵⁵. Церкви Павла, по-видимому, продолжавшие расти, даже когда сам он перемещался в другое место, состояли исключительно или почти исключительно из бывших язычников. И не только основанные им церкви. Единственное дошедшее до нас послание Павла, адресованное Церкви, которую он не создавал, обращено к римской Церкви, в гостях у которой он еще не был. В этом послании он прямо называет римских христиан «язычниками» (Рим. 1:13; 11:13). Ученые часто полагают, что это была «смешанная» Церковь, включавшая в себя и иудеев, и язычников. Возможно; однако из самого послания следует, что подавляющее большинство римской паствы обратилось из язычества. В приветствиях в последней главе Павел называет по именам двадцать шесть человек; некоторые из них вполне могут быть иудеями, хотя по именам это не определишь. Но шестерых из них он особо именует «сродниками моими», то есть иудеями (Рим. 16:7,11, 21). Такое выделение

⁵⁵ Кроме апостола Петра в книге Деяний – однако эти рассказы о нем я считаю позднейшими и легендарными. См. с. 186–191 настоящей книги.

этих шестерых заставляет предположить, что оставшиеся к «сродникам» не относятся⁵⁶. Так что, возможно, остальные двадцать – бывшие язычники.

Практически то же самое можно сказать и о других церквях, которым адресованы древнейшие христианские писания. Подавляющее большинство книг Нового Завета – в том числе и «самое иудейское» Евангелие, от Матфея – по-видимому, обращены в основном, если не исключительно к языческой аудитории и даже написаны в основном авторами из язычников⁵⁷. Уже ко второй половине первого столетия Церковь, по всей видимости, состояла преимущественно из языческих новообращенных⁵⁸.

Мы уже немного поговорили о том, кто были эти люди и во что верили они прежде, в связи с Константином, самым прославленным и значительным новообращенным из язычников в истории христианского мира. Но теперь поговорим об этом подробнее, в качестве прелюдии к следующим главам, в которых постараемся объяснить, как последователям Иисуса удалось убедить такое множество язычников оставить религиозные традиции своих предков и поклоняться одному лишь христианскому богу.

⁵⁶ Других людей, названных Павлом, часто считают иудеями на основании данных из других источников; особенно это относится к Прискилле и Акиле, которые однозначно названы иудеями в книге Деяний. Сам Павел, однако, ничего об этом не говорит.

⁵⁷ О языческом происхождении Евангелия от Матфея см. в моей книге: Bart D. Ehrman, *The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings*, 6th ed. (New York: Oxford University Press, 2016), 143.

⁵⁸ Подробнее об этом см. David C. Sim, “How Many Jews Became Christians in the First Century? The Failure of the Christian Mission to the Jews,” *Harvard Theological Studies* 1, 2 (2005), 417-40.

Существовало ли «язычество»?

Уже достаточно давно ученые говорят о том, что «язычество» не было чем-то единым. Можно сказать даже, что «язычества» не было вовсе. В том, что мы собирательно называем «язычеством», соединялось множество разных вещей⁵⁹.

Само это слово для людей в древности – в том числе и для тех, кого мы называем язычниками, – не имело бы никакого смысла. Никто из них так себя не называл и не думал о себе в религиозном смысле, как о язычнике – не потому, что это уничижительный термин, а потому, что в нем не было никакого религиозного значения. Мысль, что многие сотни, даже многие тысячи способов почитания разных богов составляют некую единую «систему», древним просто не приходила в голову. К тому времени, когда слово «язычник» вошло в обиход, сами обычаи признания и почитания богов существовали уже много тысячелетий. «Язычниками» христиане начали называть тех, кто не придерживался их собственных религиозных практик. Христианам нужно было как-то называть нехристиан. Почитатели бога Израилева проблемы не составляли: их можно было назвать иудеями. А все прочие? Как насчет остальных 93 % рода человеческого?

О том, почему для обозначения нехристиан и неиудеев христиане остановились на термине «язычники», существуют различные теории⁶⁰. Чаще всего говорят, что слово это [англ. *Pagan* – прим, пер.] происходит от латинского *paganus*, что означает «сельский житель». Объяснение дается такое: в IV веке и позже, когда империя начала христианизироваться, предполагалось, что образованные и разносторонние городские жители легче понимают и усваивают превосходство христианской веры и лишь деревенское дурачье (*pagani*) упрямо держится за отсталые обычаи своих невежественных предков.

Другие ученые утверждают, что это же слово изначально означало «мирный житель», в противоположность «воину». В этом случае воинам Христовым, сильным и мужественным, противостоят слабые и никчемные «язычники», не принадлежащие к Христову войску.

Никто в древности не называл себя язычником и не думал о себе как о язычнике – не потому, что это уничижительный термин, а потому, что в нем не было никакого религиозного значения.

Каким бы ни было происхождение этого слова – в любом случае это не самоназвание: в первые христианские столетия никто в римском мире не говорил: «Я не иудей, а язычник». Быть неиудеем, – а позднее и нехристианином, – означало просто быть таким же, как все остальные: признавать существование богов и почитать их согласно обычаям, дошедшим до нас с незапамятных времен. Таких местных обычаев существовало бесчисленное множество – и современный человек, пожалуй, каждый из них назвал бы отдельной «религией».

⁵⁹ Очень полезные сведения о феномене римского язычества в целом: James B. Rives, *Religion in the Roman Empire* (Oxford, UK: Blackwell, 2007). Сжатый, но полезный обзор: Ramsay MacMullen, *Paganism in the Roman Empire* (New Haven, CT: Yale University Press, 1981). Особенно ценные и подробные оценки в двухтомном собрании источников и аналитики: Mary Beard, John North, and Simon Price, *Religions of Rome* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998). Классический труд на эту тему: Robin Lane Fox, *Pagans and Christians* (New York: Knopf, 1987). Более краткое, но и более подробное исследование, на которое я во многом опираюсь: James B. Rives, «Religious Choice and Religious Change in Classical and Late Antiquity: Models and Questions», *Antigüedad, Religiones y Sociedades* 9 (2011), 265-80.

⁶⁰ Среди многочисленных обсуждений этого термина см.: Pierre Chuvin, *A Chronicle of the Last Pagans*, trans. B. A. Archer (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990), 7-13; Christopher Jones, *Between Pagan and Christian* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014), 5-8; James J. O'Donnell, *Pagans: The End of Traditional Religion and the Rise of Christianity* (New York: Ecco, 2015), 159-64.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.